

Генри Райдер
Хаггард
Земля теней

МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Мастера приключений

Генри Райдер Хаггард

Земля теней

«ВЕЧЕ»

1895

Хаггард Г.

Земля теней / Г. Хаггард — «ВЕЧЕ», 1895 — (Мастера приключений)

ISBN 978-5-4484-8459-9

Далеко на востоке Англии затерялся край озер и камышей Рамборо. Некогда здесь был город, но теперь не осталось ничего, кроме руин аббатства и истлевших костей тех, кто когда-то его строил. Джоанна Хейст, незаконнорожденная с обостренным чувством собственного достоинства, живет здесь, сколько себя помнит. Гуляет в тени шотландских елей, штурмует развалины башни, разоряет птичьи гнезда. И все бы ничего, если бы не злая тетка, подмявшая девушку под свое воронье крыло. Не дает покоя Джоанне и тайна ее происхождения, а еще – назойливые ухаживания мистера Рока, мрачного соседа с Фермы Мавра. В эти солнечные июльские дни Джоанна все чаще задумывается о побеге. В очередной том «Мастеров приключений» входит остросюжетный роман Г.Р. Хаггарда «Земля теней», издающийся на русском языке впервые.

ISBN 978-5-4484-8459-9

© Хаггард Г., 1895

© ВЕЧЕ, 1895

Содержание

Глава I	8
Глава II	14
Глава III	21
Глава IV	30
Глава V	37
Глава VI	46
Глава VII	54
Глава VIII	63
Глава IX	73
Глава X	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Генри Райдер Хаггард

Земля теней, или Джоанна Хейст

Посвящается И. Х.

*Il y a une page effrayante dans le livre
des destinées humaines; on y lit en tête
ces mots: «les désirs accomplis».*

Georges Sand¹

---

¹ В книге человеческих судеб есть страшная страница; в голове нашей однажды прозвучат эти слова: «все желания исполнены». – Жорж Санд (фр.).

Иллюстратор Ф.С. Уилсон

© Налепина Д.А., перевод на русский язык, 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

JOAN HASTE

BY

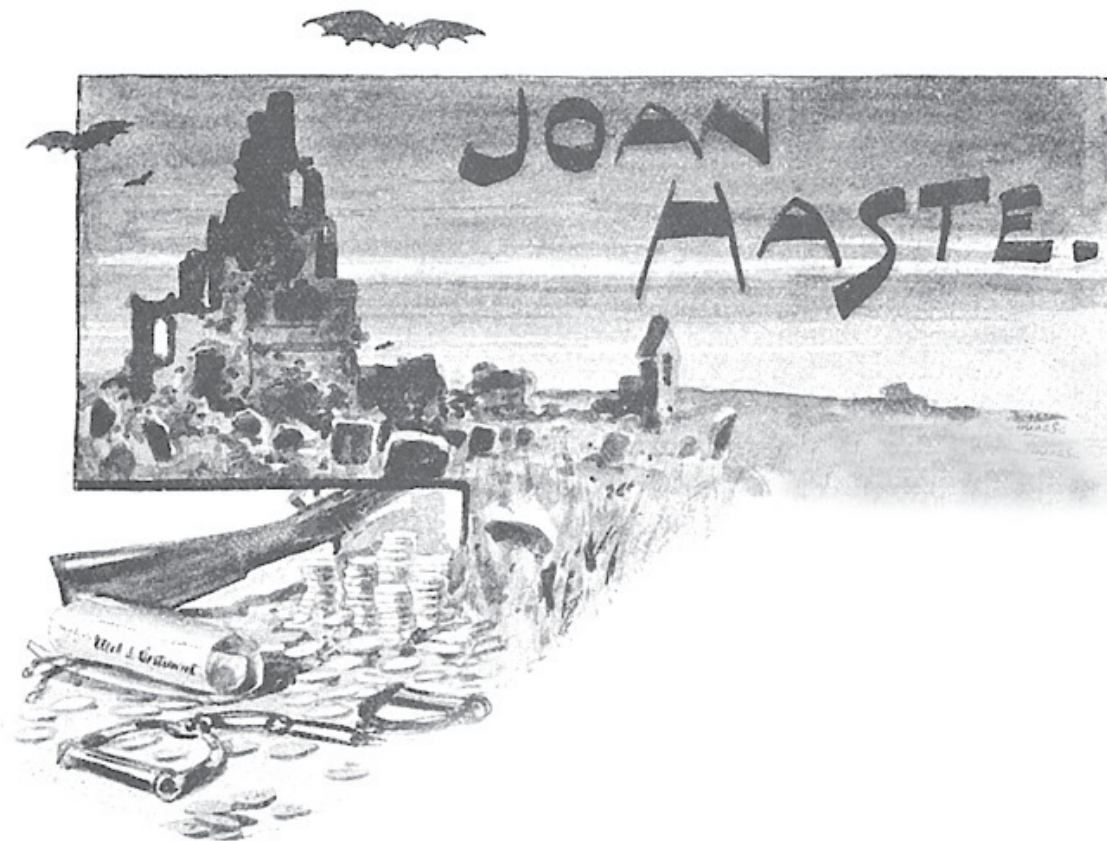
H. RIDER HAGGARD

AUTHOR OF 'KING SOLOMON'S MINES' 'SHE'
'ALLAN QUATERMAIN' ETC.

'Il y a une page effrayante dans le livre des destinées humaines; on y lit en tête ces mots—"les désirs accomplis."—GEORGES SAND

Глава I Джоанна Хейст

В полном уединении, в бесплодном и пустынном месте, куда доносится лишь грохот волн Северного моря, распростерлись руины аббатства Рамборо. Когда-то у подножия его был город, теперь его нет; от бывшего величия не осталось ничего, кроме руин аббатства и истлевших костей тех, кто когда-то его строил. К востоку отсюда, за дикими пустошами лежит бескрайний океан, а если поглядеть на север, то можно разглядеть красные крыши рыбацкой деревни Брэдмут. Когда Рамборо был городом, Брэдмут по праву считался большим портом; однако беспощадное наступление моря постепенно поглотило гавань и древние постройки, ныне покоящиеся под водой.

С гибелью Рамборо угасла и слава Брэдмута; от монастыря и церкви аббатства остался лишь один храм, прекрасный, но обветшалый, возможно, самый большой на востоке Англии, за исключением, быть может, Ярмута, и по мнению многих – самый красивый.

Позади этого храма, стоящего на холме в некотором отдалении от утеса и потому избежавшего участи всего города, раскинувшегося под ним, простираются заливные луга, окаймленные четкими линиями проезжих дорог. Однако не только они составляют здешний ландшафт, поскольку между Брэдмутом и руинами Рамборо протянулась цепочка маленьких водоемов и болот, повторяющая причудливый изгиб береговой линии. Даже в самый солнечный день эти озерца не блестят, поскольку берега их густо заросли травой и камышами – пристанищем кроншнепов, чаек, лысух и прочей водной дичи. Затем берега становятся все выше; теперь их покрывают дрок и папоротники, между которыми то и дело вспыхивают яркие пятна вереска; наконец, перед нами и гребень берега, несомненно обозначающий границу древнего

фьорда. Здесь высятся мрачные шотландские ели, окружающие серый одинокий дом, известный в здешних местах как Мур Фарм – Ферма Мавра.

Обитатели этих уединенных земель – те, что еще остались жить здесь – полагают, что на свете найдется немного мест, которые были бы красивее этих склонов, зарослей и мрачных морских берегов. Действительно, места эти по-своему красивы в любое время года: даже зимой, когда снег лежит на мертвых черных папоротниках, а замерзшие кусты утесника качаются под ударами восточного ветра, дующего с океана. Да, здесь красиво – и все же есть истина в старинном нескладном стишке эпохи правления Елизаветы, сохранившемся в одной из приходских книг Брэдмута:

Из Рамборо куда ни глянь,
На север, запад, юг, восток,
Ты не увидишь ничего
И будешь страшно одинок.
При свете солнечного дня,
Иль в сумраке зимы седой
Печальней не найти земель
По нашей Англии родной...²

И верно: даже в разгар июня, когда ящерицы бегают по горячим серым камням, а дрок усыпан золотистыми цветами, на этих землях лежит незримая печать меланхолии, какой-то врожденной грусти, которую не могут полностью развеять ни зеленеющие на севере леса, ни серебристый отблеск морских волн, ни зрелище снующих туда-сюда рыбацких лодок. Сама Природа наложила печать скорби на эти места, а печальные руины церквей, у стен которых покоятся поколения тех, кто эти церкви когда-то строил, лишь усиливают это впечатление.

И хотя в тот июньский день, когда началась эта история, море сияло, словно зеркало, отражающее солнце, пчелы неутомимо и бодро жужжали среди цветов, пышно разросшихся на старых могилах, а жаворонки пели сладчайшие свои песни – Джоанна чувствовала, как эта вековая печаль вымораживает ее сердце, словно вокруг холодная осенняя ночь. Даже сейчас, в момент пышного расцвета жизни все здесь, казалось, говорило о смерти и забвении. Разрушенная церковь, заброшенные могилы, бесплодный пейзаж – все это словно взывало к Джоанне: «Наши беды и скорби уже позади, твои – ожидают впереди. Будь, как мы!»

Та, к которой взывали эти призрачные голоса, не была благородной дамой, да и беды и скорби ее были вовсе не так уж глубоки и поэтичны. По правде сказать, Джоанна Хейст была обычной деревенской девушкой, или, вернее, девушкой, которая большую часть своей жизни провела в деревне.

Она была по-своему мила, это правда – но об этом чуть позже; благодаря неким обстоятельствам, которые мы вскоре разьясим, ей удалось получить некоторое образование, вполне достаточное для того, чтобы пробудить в ее душе неясную тоску и вызвать к жизни видения, без которых, возможно, она была бы счастливее. Более того, хоть Судьба и приучила Джоанну к смирению и скромности, Природа наградила ее не только милостивым личиком и хорошими формами, но и умом – и пусть он был не слишком развит, но зато не лишен глубины; обладала она и силой воли, и тем врожденным чувством неудовлетворенности и беспокойства, без которого ни одно человеческое существо не может подняться над собой в духовном или мирском смысле – однако, обладая им, не может быть и счастливо.

Ее горести были просты: сварливая и грубая тетка, нежеланный жених, постоянный гул и чад в деревенской пивной, где она жила, и какой-то смутный и непонятный стыд, который

---

² Перевод Д. Налепиной.

постоянно преследовал ее, оплетая ее душу, словно плющ – разрушенную башню. Да, это были невеликие и вполне обычные беды – но для Джоанны они были вполне реальны, и их постоянное и мерзкое давление вынуждало ее разум противиться той жизни, которую она вела. Те несчастья, которые свойственны нашему положению и естественны для нашей судьбы, мы все же можем переносить, если и не с легкостью, то, по крайней мере, с некоторым усилием; те же беды, что обрушиваются на нас из той сферы, где мы не имеем опыта, или же – из-за того, что наш темперамент не соответствует окружению, переносятся нами куда тяжелее. Отличаться от тех, кто тебя окружает, смотреть вверх, когда все вокруг смотрят себе под ноги, быть в душе выше той жизни, которую мы ведем, хотеть недостижимого в нашем положении – все это, вроде бы, мелочи сами по себе, однако они не дают нашей душе покоя, возрождаясь, словно Протей, все в новых ипостасях.

Таково было настроение и состояние Джоанны Хейст. Происхождение ее было загадкой – во всяком случае, в той части, что касалась личности ее отца. Мать Джоанны была младшей сестрой ее тетки, однако Джоанна никогда не знала матери, поскольку жизнь бедной женщины оборвалась, когда девочке было всего два года.

Джоанна Хейст

Единственными вещественными напоминаниями о связи матери и дочери были прядь мягких каштановых волос и выцветшая фотография девушки, довольно красивой, но не похожей на саму Джоанну. Тетка, миссис Джиллингуотер, передала ей эти памятные вещицы несколько лет назад, присовокупив с жестокой откровенностью, свойственной ее классу, что это единственное имущество, которое Джоанне оставила ее мать.

Впрочем, осталось и еще кое-что – небольшой холмик в церковном дворе аббатства Рамборо, где до недавнего времени местные жители находили место последнего упокоения рядом

со своими предками. Об этом скромном холмике Джоанна узнала от дяди, мистера Джиллингуотера, который показал ей могилу матери после долгих и горячих уговоров. У могилы не было надгробия, и когда Джоанна спросила об этом дядю, он ответил, что тем, кто ушел из жизни, не будучи ни женой, ни девицей, лучше унести свое имя с собой в могилу.

Бедная девушка отшатнулась в смущении, услышав этот грубый ответ, и более никогда не возвращалась к этой теме. Однако теперь она знала наверняка, что ей не повезло при рождении, и хотя подобные несчастные случаи – отнюдь не редкость и не диковина в деревнях, чувство это обескуражило Джоанну, значительно понизив ее самооценку. Тем не менее, она ничуть не обижалась на свою покойную заблудшую мать, а, скорее, любила ее странной и удивительной любовью, немного жалкой и трогательной. Женщина, которая родила ее, и которую она совсем не помнила, часто занимала мысли девушки; однажды, когда какая-то болезнь несколько повлияла на ее душевное равновесие, Джоанна вообразила, что мать явилась к ней во сне и поцеловала ее в лоб – воспоминание об этом видении было сладким, хотя девушка и знала, что это всего лишь сон. Возможно, именно из-за того, что ей больше нечего и некого было любить, она так цеплялась за этот призрак бедной заблудшей матери, чья кровь текла в ее жилах, превратив ее в незримую спутницу всей своей жизни. Во всяком случае, когда Джоанну охватывало беспокойство, или когда жизненные неурядицы слишком одолевали ее, она неизменно искала утешения рядом с этим скромным холмиком; сидя рядом с ним, не обращая внимания на погоду, она смотрела на море и утешала себя тем, что грусть матери наверняка была сильнее ее собственной тоски.

Да, у нее имелась родная тетка, но в этом отношении Джоанна мало что выиграла. Из множества незначительных инцидентов и слов – незначительны они были сами по себе, но вкуче создавали вполне определенное отношение – Джоанна поняла, что ее мать и миссис Джиллингуотер вряд ли испытывали симпатию друг к другу... по правде сказать, их отношения вернее было бы назвать взаимной неприязнью. Эта неприязнь, видимо, передалась по наследству, поскольку Джоанне было очень трудно испытывать к тетке хоть сколько-нибудь теплые чувства; скорее, они терпели друг друга, при этом тетка иногда была не в силах справиться с отвращением, которое смягчалось лишь гордостью, которую миссис Джиллингуотер испытывала в отношении милovidности Джоанны, относя это в заслугу, почему-то, себе.

В этих обстоятельствах Джоанна часто задавалась вопросом, почему ее не отправили на заработки или в услужение. Много раз после ссоры или стычки Джоанна пыталась уйти из дома, но тут же обнаруживала, что нет более верного пути к примирению, чем сказать об этом вслух; миссис Джиллингуотер немедленно осыпала ее извинениями, которые, как прекрасно знала Джоанна, отнюдь не были вызваны каким-либо смягчением теткиного нрава или искренним сожалением о своих словах.

Но что же, в таком случае, было их причиной? На разрешение этой загадки Джоанне потребовалось несколько лет. Ее совершенно очевидно не любили, от нее не желали принимать услуги – Джоанна просто занимала комнату в доме, ее никогда не просили прислуживать посетителям пивной «Корона и Митра» и не спрашивали, не хочет ли она поработать.

Постепенно смутная догадка зародилась и окрепла в мозгу Джоанны: каким-то таинственным образом выходило, что это дядя и тетя жили за ее счет, а не она – за их. Иначе трудно было понять, на что они вообще существовали – учитывая, что мистер Джиллингуотер, в основном, потреблял содержимое бочек в собственной пивной, а других видимых средств к существованию у них не было. Тем не менее в деньгах они, кажется, никогда не нуждались; если Джоанне требовалось новое платье или любая обновка, она получала их без всяких вознаграждений. Более того, когда через несколько лет она выразила внезапное и спонтанное желание получить образование, дядя с теткой молчали несколько дней (вероятно, они использовали это время, чтобы посоветоваться и предпринять какие-то действия), после чего сообщили, что отправляют Джоанну в школу-интернат в столице графства.

Она отправилась туда, но быстро выяснила, что в этой школе учились, в основном, дочери лавочников и зажиточных фермеров, вследствие чего те, кто обучался в аналогичных, но более привилегированных учебных заведениях города, смотрели на них сверху вниз. Джоанна была чувствительна и самолюбива, ее обидело подобное отношение, и по возвращении домой она объявила тетке, что хочет учиться в более подходящей школе. Ее слова были восприняты совершенно спокойно; снова возникла пауза, как будто бы для того, чтобы разрешить этот вопрос с кем-то другим. По прошествии нескольких дней Джоанне было объявлено, что она может покинуть школу, если она ей не по нраву, но получать образование она должна, согласно своему положению.

Делать нечего, Джоанна вернулась в школу и оставалась там до 19 лет. В целом это было счастливое время; она чувствовала, что получает полезные знания, которые были бы недоступны ей, останься она дома. Кроме того, среди ее соучениц нашлось несколько дочерей бедных священников и вдов; они были леди по рождению, и Джоанна инстинктивно тянулась к ним, а они нисколько не завидовали ее успехам.

Когда Джоанне исполнилось 19 лет, ей внезапно сообщили, что она должна покинуть школу, хотя никаких намеков на это ранее не делалось. Всего лишь за день или два до этого тетка разговаривала с ней о возвращении в школу, даже не заикнувшись ни о чем. Расстроенная Джоанна принялась размышлять, что же могло произойти – и не связано ли это с визитом мистера Левинджера, их лендлорда, приходившего посмотреть, как ведется ремонт в доме.

Сама Джоанна за всю жизнь разговаривала с мистером Левинджером всего лишь несколько раз, и все же ей казалось, что всякий раз, когда они встречаются, он смотрит на нее с большим интересом. В этот раз Джоанна случайно проходила мимо бара, где беседовали тетка и мистер Левинджер, и потому расслышала его последние слова: «...слишком много для леди». Девушка не могла не отнести эти слова к себе. Потом мистер Левинджер вышел, увидел Джоанну и остановил ее; в течение нескольких минут они беседовали, а затем он резко повернулся на каблуках и вышел из дома с видом человека, исполненного решимости не проговориться о чем-то важном.

С той поры жизнь Джоанны стала невыносима. За год в школе она привыкла к более утонченному общению, и теперь ее безжалостно вырвали из привычного круга. «Корона и Митра», а также большинство связанных с ней людей стали ненавистны девушке. Борясь с отвращением, она ломала голову, пытаясь найти хоть какой-то способ спастись, бежать отсюда – и не могла придумать ничего, кроме проверенного временем средства: «пойти в гувернантки». Джоанна спросила разрешения – и оно было получено, после привычной уже паузы в пару дней. Впрочем, и на этом пути девушку ждало разочарование. И ее окружение, и ее собственные достижения были слишком скромны, чтобы преуспеть на этой плодородной ниве. Более того, как дружески сказала ей одна знакомая дама, для этой работы Джоанна была слишком хорошенькой. В конце концов, с большим трудом ей удалось найти место, весьма скромное – в качестве гувернантки детей ректора³ Брэдмута, мистера Биггена. Она продержалась 9 месяцев – пока мистер Бигген, добродушный ученый муж, не заметил ее красоту и ум и не начал проявлять к ней гораздо больше интереса, что никоим образом не обрадовало миссис Бигген. Последнее обстоятельство и привело к внезапному увольнению Джоанны, случившемуся за день до начала этой истории.

Перейдем к последней и самой серьезной беде, постигшей Джоанну: совершенно очевидно, что такая девушка не испытывала недостатка в поклонниках.

У Джоанны их было несколько, и все они ей не нравились, но более всего отвратителен ей был любимчик ее тетки, навязчивый и наглый Сэмюэл Рок.

---

³ То есть приходского священника.

Сэмюэл Рок был членом общины диссентеров⁴ и лучшим фермером в округе. Он обрабатывал около 500 акров земли, большая часть которой приходилась на богатые и плодородные торфяники. 300 акров были его собственностью, унаследованной и приобретенной. Разумеется, в связи с этими обстоятельствами, он считался прекрасной партией для такой девушки, как Джоанна Хейст, а если добавить к этому, что он был ей искренне очарован и больше всего на свете мечтал на ней жениться, то становилось очевидным, что и с ее стороны, вне всякого сомнения, – по мнению окружающих – следовало проявить полную взаимность.

К сожалению, никакой взаимности Джоанна не испытывала. У нее были вполне обоснованные причины – даже если они не казались таковыми окружающим – не желать иметь никакого дела с Сэмюэлом Роком. Именно от него она и сбежала сегодня сюда, в аббатство Рамборо, понадеявшись, что уж сюда Рок за ней не последует. Именно мысли о Роке делали невыносимым даже этот золотой полдень; ужас, который Джоанна испытывала перед этим человеком, заставил ее снова и снова искать возможные способы бегства из Брэдмута.

Она могла бы не тратить столько усилий на попытку скрыться. Джоанна вздохнула, оглянулась... и в этот момент на нее упала чья-то тень. Вскинув глаза, девушка увидела, что перед ней стоит Сэмюэл Рок собственной персоной, сжимая в руках шляпу и ухмыляясь самым непристойным образом.

---

⁴ Диссентеры (*dissenters*, от *лат.* *dissentio* – не соглашаюсь) – радикальное течение внутри английского протестантизма.

Глава II

Сэмюэл Рок заявляет о себе

Мистер Сэмюэл Рок был не то чтобы молод – скорее, молодо выглядел. На самом деле ему было лет тридцать пять, и его вряд ли можно было назвать привлекательным. Он был довольно строен для своего роста, глаза были голубыми и чересчур подвижными, черты лица – правильными и резкими, за исключением подбородка, который был слишком массивен, что выглядело почти уродливо. Возможно, именно для того, чтобы скрыть этот недостаток, Рок носил бороду – каштанового цвета, очень длинную, но не слишком густую.

Сэмюэл Рок

Однако самой заметной чертой внешности были его руки – маленькие, почти женские, белые и изящные – на это не повлияла даже работа на свежем воздухе. Ногти у него были ухоженные, миндалевидной формы – любая женщина позавидовала бы таким.

Эти руки никогда не оставались в покое, постоянно двигались, и скрыто было в этих движениях что-то темное, неприятное, наводящее на мысли о странных извращениях. Одежда мистера Рока являла собой некий компромисс между строгим одеянием диссентеров – именно они являлись столпами и законодателями мод местной общины – и костюмом обычного фермера, состоящим из черного плаща, черной войлочной шляпы, бриджей и сапог для верховой езды.

– Как поживаете, мисс Хейст? – произнес Сэмюэл Рок своим мягким мелодичным голосом, однако руку не протянул, ибо нервно перебирал края шляпы.

– Благодарю вас! – довольно нервно отвечала Джоанна. – Как вы... (меня разыскали, собиралась она добавить, однако сообразила, что такой вопрос выдаст ее осведомленность в том, что мистер Рок ее искал) оказались здесь?

– Я... я гулял, мисс Хейст! – отвечал Рок, глядя на свои сапоги и покраснев, будто в прогулках было что-то неподобающее, а затем добавил: – Здесь ведь недалеко до моего дома, Мур Фарм, вы же знаете, и мне сказали... я решил, что вы можете быть здесь.

– Полагаю, вы имеете в виду, что спросили об этом мою тетю, и она послала вас за мной? – прямо спросила Джоанна.

Сэмюэл уклончиво улыбнулся, однако ничего не ответил.

Наступила пауза, во время которой Джоанна с растущим раздражением наблюдала, как длинные белые пальцы Рока теребят поля фетровой шляпы.

– Вам лучше надеть ее, вы простудитесь.

– Благодарю вас, мисс Хейст... очень мило, что вы заботитесь о моем здоровье.

С этими словами он осторожно нахлобучил шляпу на голову, и теперь его длинные каштановые волосы неряшливо торчали со всех сторон из-под полей.

– О, пожалуйста, не благодарите! – резко ответила Джоанна, боясь, что ее слова будут истолкованы Роком как знак некоего поощрения.

Снова наступила пауза; теперь Рок устремил взор своих бегающих голубых глаз к небесам, словно ища там вдохновения.

– Вам нравятся старые могилы, мисс Хейст! – наконец произнес он.

– Да, мистер Рок, возле них очень удобно сидеть, а когда придет время – не сомневаюсь, что и спать в них будет удобно! – отвечала девушка с мрачной иронией.

Сэмюэл вздрогнул – легонько, но заметно. Он был по натуре довольно нервным человеком и, несмотря на все свое благочестие, не любил подобные намеки. Если вы влюблены в молодую женщину, вам будет, мягко говоря, неприятно слышать, как она говорит о том месте, куда не достигает никакая земная любовь.

– Вы не должны думать о таких вещах в вашем возрасте... не нужно, мисс Хейст! – сказал он. – Есть много других вещей, о которых стоит думать прежде, чем об этом.

– Каких же? – опрометчиво поинтересовалась Джоанна.

Сэмюэл снова покраснел.

– Ну, скажем, о мужьях... колыбелях и всяком таком... – неопределенно ответил он.

– Спасибо, но я предпочитаю могилы! – довольно едко отозвалась Джоанна.

К этому времени до Сэмюэла дошло, что он оказался в тупике. На мгновение он подумал об отступлении, затем ему на помощь пришла обычная его решимость, скрывавшаяся за мягким голосом и робкими манерами.

– Мисс Хейст... Джоанна! – хрипло сказал он. – Я хочу поговорить с вами.

Джоанна почувствовала, что настал момент самого сурового испытания, однако попыталась найти убежище в легкомысленном тоне.

– Вы именно этим занимались последние пять минут, мистер Рок, а теперь мне пора домой.

– Нет-нет, не сейчас – вы не уйдете, пока не выслушаете то, что я должен вам сказать!

С этими словами Рок сделал такое движение, будто хотел преградить ей путь.

– Что ж, в таком случае поторопитесь! – отвечала она голосом, в котором боролись досада и страх.

Дважды пытался Сэмюэл заговорить – и дважды слова подводили его, поскольку он и в самом деле сильно волновался. Наконец, нужные слова нашлись.

– Я люблю вас! – выпалил он хриплым шепотом. – Клянусь Богом перед вами и перед лежащими здесь мертвецами, я люблю вас, Джоанна, люблю так, как никто никого не любил раньше и не будет любить впредь!

Девушка отшатнулась, напуганная его страстью, и посмотрела Року в лицо. Зрелище напугало ее больше, чем слова. Худощавое лицо Рока ожесточилось, его губы вздрагивали, длинные гибкие пальцы правой руки бессознательно теребили бороду, словно пытаясь заплести ее в косу. Джоанна перепугалась не на шутку. Она никогда в жизни не видела Сэмюэла Рока в таком состоянии.

– Простите... Мне жаль... – пролепетала она.

– Не извиняйтесь! – взорвался он. – Чего вам жаль? Ведь это же прекрасно, когда женщину любят, Джоанна! Уверяю вас, любовь не часто встречается на жизненном пути женщины, со временем вы это узнаете. Послушайте! Вы думаете, я не боролся с этим чувством? Думаете, я сам хотел подпасть под власть девицы, у которой за душой едва ли найдется шестипенсовик, и нет даже честного имени? Говорю вам, я боролся с этой любовью и молился, чтобы Господь избавил меня от нее. Я делал это с тех пор, как вам исполнилось шестнадцать лет! Я упустил шанс за шансом – ради любви к вам. Миссис Мортон – красивое тело, все, что нужно мужчине в жене, да еще и шесть тысяч фунтов и собственный дом – отличная сделка. Она была столь добра, что собиралась выйти за меня, но я отверг ее ради вас. Потом была вдова министра, истинная леди, святая женщина – и она была рада стать моей женой, но я отверг ее ради вас! Я люблю тебя, Джоанна, я люблю тебя больше, чем землю или деньги, чем все богатства мира, чем собственную душу! Я весь день напролет думаю о тебе, я мечтаю о тебе ночами. Я люблю тебя, я хочу тебя, и если я тебя не получу, то умру, потому что без тебя этот мир ничего для меня не значит!

Тут он сник, весь дрожа от страсти и изнеможения.

Если вначале Джоанна была встревожена, то теперь ее охватил ужас. Серьезность тона мужчины даже произвела впечатление на ее чувствительную натуру – было что-то завораживающее и в этой грубой вспышке страсти – однако слова Рока не вызвали в ее душе ответного чувства. Его страсть оттолкнула ее; он всегда не нравился ей, теперь же она его ненавидела. Ум Джоанны судорожно метался в поисках выхода из ситуации. Она понимала, что Рок не хотел ее оскорбить упоминаниями о бедности и незаконном происхождении – эти слова вырвались у него в порыве чувств, которыми он жил. Тем не менее она избрала чисто женскую тактику, решив сделать акцент именно на этой части его признания – и обратить его слова против него самого.

– Вот как, мистер Рок! – сказала она, поднимаясь с земли и выпрямляясь прямо перед Сэмюэлом Роком. – Как же вы просите меня стать вашей женой – а я полагаю, вы имеете в виду именно это – если в то же время попрекаете меня бедностью и моим происхождением? Мне кажется, вам лучше вернуться к миссис Мортон или к вдове министра, к этим истинным леди, а меня оставить в покое!

– О, не сердитесь на меня! – почти простонал Рок. – Вы же знаете, я не хотел вас обижать. Да и как я могу вас обидеть, если я так люблю вас и хочу, чтобы вы были моей? Лучше бы мне вырвать мой язык прежде, чем те слова сорвались с него. Вы будете моей, Джоанна? Послушайте же: вы первая и единственная, кому я когда-либо говорил слова любви, и я стану вам хорошим мужем. Вы получите все, что захотите, если выйдете за меня, Джоанна. Если бы кто-нибудь сказал мне в юности, что я буду так жаждать и так умолять женщину, я бы обвинил его во лжи; но вы поработили меня, вы вышибли землю у меня из-под ног, вы оттолкнули и отвергли меня – а я все равно не могу жить без вас... Я не могу без вас жить, это чистая правда!

– Боюсь... вам придется, мистер Рок! – сказала Джоанна чуть мягче, поскольку слезы, дрожавшие в глазах Сэмюэла Рока, отчасти растрогали ее, да и какой женщине не будет лестно, что мужчина любит ее с такой страстью. – Я... Я не люблю вас, мистер Рок.

Тяжелый подбородок Рока опустился на грудь. Потом он с усилием поднял голову и снова заговорил.

– Я и не ждал иного. Для несчастного грешника это было бы слишком большой удачей. Но будьте честны со мной, Джоанна – если женщина вообще способна на честность – скажите, любите ли вы кого-то другого?

– Никого! – карие глаза Джоанны изумленно распахнулись. – Кого же мне любить здесь?

– Ах, этого довольно! – воскликнул он со вздохом облегчения. – В здешних краях нет никого, кто был достоин вас. Вы ведь леди, каковы бы ни были обстоятельства вашего рождения, и вы стремитесь к тем, кто вам ровня. Глупо отрицать это: я наблюдал за вами, я видел, как вы смотрите на всех нас – свысока – и все, что я могу на это сказать – будьте осторожны, чтобы это не доставило вам неприятностей. Но все же, все же... пока вы не любите никого другого – а такому человеку будет лучше держаться от меня подальше, будь он проклят! – для меня все еще остается надежда. Послушайте, я не хочу давить на вас, но... просто обдумайте мои слова. Я не спешу. Я ждал бы и пять лет, если бы был уверен, что в итоге вы станете моей. Простите, я напугал вас своей грубостью: я был дураком, я должен был учесть, что для вас это все ново и неожиданно – в отличие от меня. Послушайте, Джоанна, скажите же мне, что я могу надеяться... и ждать, и вернуться к этому разговору снова – хотя я и так буду ждать, и приду к вам снова, и буду приходить до тех пор, пока дыхание и жизнь теплятся во мне, и пока я смогу надеяться...

– Зачем, какой в этом смысл? – спросила Джоанна. – Я не люблю вас, а любовь не вырастает на пустом месте от одного лишь ожидания. Не любя же вас – как я могу за вас выйти? Лучше покончить со всем этим сразу и навсегда. Мне очень жаль, мистер Рок, но вины моей в этом нет.

– Какой смысл, вы спрашиваете? Да Боже всемогущий! Со временем вы изменитесь, станете думать иначе; со временем вы узнаете, что любовь истинного христианина и все, что с ней связано, нельзя просто отбросить прочь, выплеснуть, словно обмылки. Со временем ваши дядя и тетя, возможно, научат вас всему этому, хоть вы и презираете меня с тех самых пор, как уехали в эту свою школу...

– О, не говорите им ничего! – воскликнула Джоанна умоляюще.

– Почему? Я уже сказал им все. Я говорил с вашей тетей сегодня, и она всем сердцем пожелала мне удачи и благословила. Уверен, она очень рассердится, если узнает, как обстоят дела на самом деле.

При этих словах лицо девушки омрачилось. Когда тетка узнает, что Джоанна отвергла Сэмюэла Рока, ее ярость трудно будет передать словами.

Рок наблюдал за девушкой, словно читая ее мысли. Отчаяние породило хитрость – и он решил использовать смятение девушки в своих интересах.

– Послушайте, Джоанна, пообещайте сейчас, чтобы обдумаете мои слова – и я помогу вам с миссис Джиллингуотер. Я знаю, как с ней справиться, и обещаю, что вы не услышите от

нее ни единого грубого слова. Джоанна, Джоанна, я ведь не так много прошу. Позвольте мне прийти за ответом через полгода. Вас это ни к чему не обязывает, а для меня означает надежду.

Джоанна колебалась. Осторожность подсказывала, что с этим человеком лучше не иметь дела вовсе, покончить раз и навсегда, но тогда на нее обрушится то, чего она действительно боялась больше всего – ярость ее тетки. С другой стороны, если она уступит, то Сэмюэл защитит ее – она почти не сомневалась в этом – хотя бы ради самого себя, если не ради нее. Что может измениться за полгода? Возможно, за это время она сможет сбежать из Брэдмута и от Сэмюэла Рока – и таким образом избавиться от необходимости давать какие-либо ответы.

– Если я сделаю так, как вы хотите – пообещаете не беспокоить меня, не искать лишней раз встречи и не разговаривать со мной обо всех этих вещах в течение шести месяцев?

– Да, клянусь! Не стану!

– Хорошо. Будь по-вашему, мистер Рок. Только прошу вас понять правильно: я вовсе не хочу вас обнадеживать и не думаю, что через полгода мой ответ будет отличаться от сегодняшнего.

– Я понимаю, Джоанна.

– Очень хорошо. Тогда – до свидания! – и она протянула ему руку.

Он осторожно взял ее и, повинувшись внезапному порыву, прижал пальчики Джоанны к губам и несколько раз поцеловал их. Девушка вырвала руку и отступила.

– Уходите! Так-то вы держите свое слово!

– Простите меня! – смиренно отвечал Рок. – Я не мог с собой справиться. Небеса знают, нет у меня на это сил. Я больше не нарушу свое слово.

Он повернулся и зашагал прочь по траве среди могил – медленным и каким-то кошачьим шагом.

Наконец, Рок скрылся из виду, и Джоанна с облегчением опустилась на траву. Первым ее чувством было ликование от расставания с мистером Роком, но длилось оно недолго. Интересно, сдержит ли он свое обещание и скроет ли от тетки то, что его предложение было отвергнуто? Если нет, то ей останется одно: бежать из Брэдмута, поскольку все здесь ожидают от нее только одного – что она выйдет замуж за Сэмюэла Рока. Социальные условности в их маленьком городе были не столь строги, чтобы считать это чудом, но гордость Джоанны восставала при одной только мысли об этом.

– После всего этого, – сказала она вслух, – как можно считать его выше меня по положению? Почему тетя всегда говорит о нем так, будто он король, почтивший вниманием девушку-нищенку? Моя кровь ничем не хуже его, а то и лучше!

Тут взгляд Джоанны обратился к древним надгробиям, чьи верхушки виднелись среди травы, желтых цветов гусиных лапок и белых шапочек овечьей петрушки. Эти белые цветы отмечали места стоянок лаконов – йоменов-фермеров прежних времен. Последним из лаконов был дед Джоанны – пока не пошел по кривой дорожке и не растратил свое наследство и имущество, большая часть которого теперь принадлежала Сэмюэлу Року.

О, да! Эта страница ее родословной была достаточно хороша, и если бы не неизвестность в отношении имени отца Джоанны, она могла бы высоко держать голову, будучи равной лучшим из здешних жителей. Как горько, что Сэмюэл Рок, пусть и не нарочно, упрекнул ее в отсутствии «честного имени»! Впрочем... он прав – она была изгоем, незаконнорожденной, и закрывать глаза на этот факт бесполезно. Но изгой или нет, Джоанна обладала чувством собственного достоинства, и ее не принудят вступить в брак с Сэмюэлом Роком или любым другим мужчиной, к которому бы она не питала любви.

Настроение понемногу улучшалось. В конце концов, она была молода, здорова, красива – и перед ней был открыт целый мир. В отсутствии же «честного имени» можно было найти даже некоторое преимущество – ведь оно освобождало ее от многих обязательств и условно-

стей. Ей оставалось лишь найти свое место в мире, и Джоанна хотела всем сердцем, чтобы это принесло ей радость и успокоение. Более всего это касалось дел сердечных. Джоанну никогда никто не любил, не любила и она – и все же, как и у всех истинных женщин, любовь была главным желанием и необходимостью ее существования. Для себя девушка решила: она никогда не выйдет замуж без любви.

Таковы были мысли Джоанны Хейст. Устав от размышлений, она на некоторое время отрешилась от них и прилегла на траву, с праздным удовольствием наблюдая, как плывут по небу маленькие белые облачка, растворяясь далеко над морем в синеве неба. Это был прекрасный день, и она собиралась насладиться им сполна, прежде чем вернется в Брэдмут и снова встретится с Сэмюэлом Роком и всеми другими своими бедами.

Кузнечики стрекотали у ее ног, красивая бабочка порхала над серыми могильными плитами, то и дело присаживаясь на них, а высоко в небе носились горластые галки, неся пищу своим птенцам, надежно укрытым в полуразрушенной каменной башне.

Некоторое время Джоанна лениво следила за птицами, а потом вдруг вспомнила, что маленький сынишка ее бывшего хозяина, мистера Биггена, недавно признался ей в пылом желании заполучить одну из этих птиц. Джоанна села и задумалась – сможет ли она добраться до гнезда и добыть для мальчика галчонка в качестве прощального подарка.

Мысль породила стремление, стремление привело к действиям. Полуразрушенная лестница все еще вела на колокольню, поднимаясь по внутренней стене башни футов на двадцать и обрываясь там, где из стены вывалился огромный кусок каменной кладки. Потрескавшиеся камни густо обвивал плющ, и Джоанна заметила гнездо галок, находившееся не выше дюжины футов над разбитой лестницей. По этой лестнице молодая особа и отправилась наверх без всяких колебаний. Нельзя сказать, что это было безопасно, однако Джоанна была крепкой и здоровой девушкой, выросшей в деревне. Она без особого труда добралась до вершины лестницы, забралась на зубчатую стену, держась за плющ, и вытянула шею, стараясь разглядеть, где же гнездо. Оно находилось на высоте примерно в два ее роста, прямо в оконном проеме, но здесь кладка выглядела совсем подозрительно, и Джоанна не рискнула ей довериться. Она решила оставить галчат в покое и спуститься вниз...

Глава III

Перст судьбы

Именно в этот самый момент капитан королевского флота Генри Арчибальд Грейвз, проезжавший верхом по уединенной прибрежной дороге вдоль утеса мимо руин Рамборо в Брэдмут, остановился, чтобы полюбоваться пейзажем. Его взгляд лениво следовал вдоль силуэта старинной разрушенной башни – и внезапно остановился на фигуре девицы, стоявшей в двадцати футах от земли на руинах стены.

До нее было около 60 ярдов⁵, а то и больше, но в стройной женской фигурке, стоящей на фоне сияния клонившегося к западу солнца, было что-то настолько поразительное и грациозное, что в душе Грейвза вспыхнуло любопытство – кто эта девушка и что она там делает. Он был так возбужден и взволнован, что медлил лишь минуту: после этого капитан Грейвз подумал, что не изучал руины Рамборо с самого детства, решительно взялся за вожжи и направил коня вниз по склону, прямо к церковному дворику, где спешил и привязал лошадь. Для себя он придумал оправдание: возможно, леди находится в затруднительном положении или даже в опасности!

Удостоверившись, что лошадь надежно привязана, он взобрался к подножию башни и оказался перед полуразрушенной стеной, откуда мог хорошо видеть основание колокольни, до той поры скрытое от его глаз. Зато отсюда больше не была видна женская фигурка, и Грейвз не на шутку встревожился, опасаясь, что незнакомка могла упасть. С некоторой поспешностью он направился к входу в башню, но в пяти шагах от него остановился – ибо объект его поисков уже стоял перед ним. Девушка появилась из зарослей шиповника, густо покрывавших каменную кладку, и теперь стояла спиной к нему, держа в руке соломенную шляпку и разглядывая что-то наверху.

«Она явно в безопасности, и мне стоит retirроваться!» – подумал капитан Грейвз.

В этот самый момент Джоанна, кажется, почувствовала, что она не одна – во всяком случае, она быстро обернулась... и они с Грейвзом оказались лицом к лицу.

Девушка вздрогнула и покраснела – возможно, чуть более сильно, тем того требовали обстоятельства – ибо Джоанна не привыкла к неожиданным встречам с незнакомцами, явно принадлежащими к одному с ней классу. Капитан Грейвз не заметил ни первого, ни второго, поскольку, по правде говоря, был занят изучением внешности самой милой девушки, которую он когда-либо видел. Возможно, милой она казалась только ему; возможно, другие не оценили бы ее так высоко; возможно, чувства обманывали капитана Грейвза, и Джоанна не была красавицей в истинном смысле этого слова; возможно всё – но ни до того, ни после он не встречал равных ей, хоть и повидал множество женщин в самых разных уголках мира.

Она была довольно высока; фигура ее была изящна, без малейшей угловатости – и обещала оставаться такой и впредь. Руки были несколько длинны для ее роста, но переходили в красивые плечи и стройную шею; кисти рук были тонкими, прекрасной формы. Весь ее облик дышал энергией и здоровьем – впрочем, подобное – не редкость для английских девушек. Самым необычным показалось Грейвзу ее лицо – таким он и запомнил его. Дышащее юностью лицо девятнадцатилетней девушки, нежный изгиб губ, маленький, но решительный подбородок, безупречный овал, дуги бровей и сияющие под ними нежные карие глаза... Аккуратную маленькую головку увенчивали густые каштановые локоны, собранные сзади в простой узел.

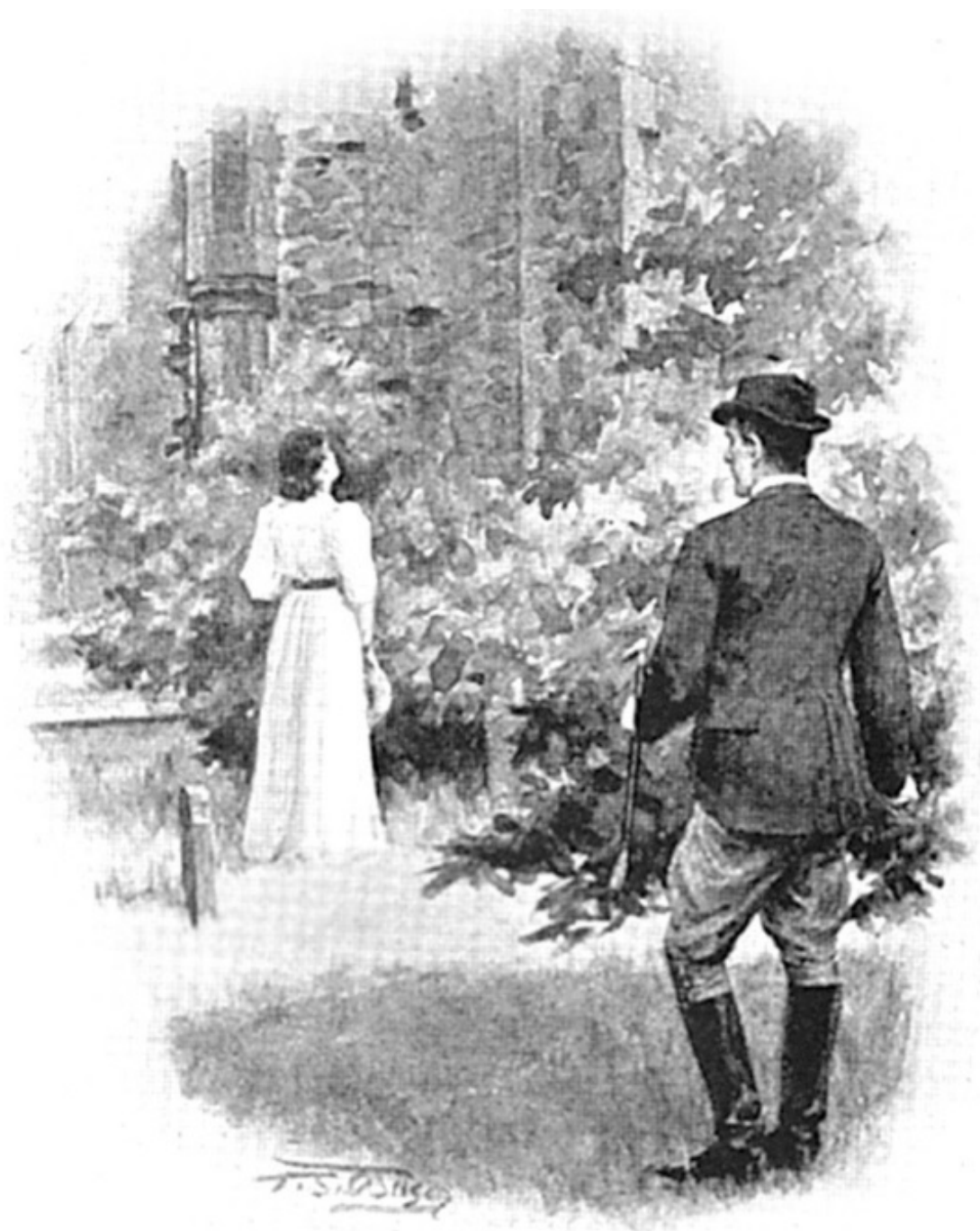
Она была одета в простое белое платье с кожаным ремешком на талии, а осанка говорила о том врожденном изяществе, которое дарует одна лишь Мать-Природа. Наконец, в облике

---

⁵ 1 ярд равен 3 футам или 91,4 см.

девушки сквозила некоторая утонченность, и Грейвз заметил ее, хотя по некоторым признакам и счел, что незнакомка не принадлежит к его кругу.

Такова была внешность Джоанны. Девушка была привлекательна, но все же Грейвза очаровала не только ее красота. В Джоанне скрывалось нечто новое для него, какая-то тайна одухотворяла ее черты – эту странную дымку он видел раз или два в произведениях искусства прошлого, но никогда доселе – в живых человеческих глазах. Джоанна казалась воплощением Психеи... до того, как Купидон поцеловал ее.

Объект его поисков уже стоял перед ним

Оставим Джоанну и обратимся на минуту к Генри Арчибальду Грейвзу – человеку, которому суждено было стать героем главного романа в жизни мисс Хейст.

Как и многие моряки, он был невысок, чуть выше самой Джоанны, и весьма крепкого сложения. Цвет лица капитан имел самый здоровый, хотя постоянное пребывание на открытом воздухе и частое посещение южных широт сделали его кожу бронзовой; его голубые глаза были острыми и пронизательными, как и можно ожидать от того, кто днем и ночью наблюдал за морем в течение почти двадцати лет. Он был чисто выбрит. Черты лица у него были приятные, хотя и немного резкие – особенно это касалось носа и подбородка; его вряд ли можно было назвать красавцем – но это определенно был весьма привлекательный и благородный джентльмен. На первый взгляд, у него было лицо человека жесткого и сурового, однако при более тщательном изучении выяснилось бы, что это, скорее, лицо человека, привыкшего управлять своими эмоциями. Хранящее печать гордости, это лицо принадлежало человеку, привыкшему командовать и подчиняться командам, но при этом откровенному и открытому, что становилось особенно хорошо видно, когда Грейвз улыбался – тогда его лицо можно было назвать и красивым.

В течение нескольких мгновений эти двое стояли, глядя друг на друга и не произнося ни слова; удивление и восхищение в глазах незнакомца были настолько очевидны, что Джоанна покраснела еще сильнее.

Капитан Грейвз чувствовал, что ситуация довольно неловкая. Первым его побуждением было вежливо снять шляпу и откланяться, вторым – остаться и объясниться.

– Я прошу прощения! – пробормотал он, наконец, с почти комической застенчивостью. – Я увидел леди, стоявшую на вершине башни, когда проезжал мимо – и решил, что она могла попасть в беду.

Джоанна отвела взгляд, с ужасом чувствуя, что румянец и не думает слабеть. Внешность незнакомца ей очень понравилась; кроме того, девушка была польщена тем, что он принял ее за «леди». К тому же до сего момента ее безопасность не волновала никого, кроме, пожалуй, Сэмюэла Рока.

– Это очень мило с вашей стороны! – робко отвечала она. – Однако мне ничего не грозило – я спустилась без всякого труда.

Капитан Грейвз снова смолк. Он был смущен и озадачен. Голос у незнакомки оказался под стать внешности, глубоким и выразительным, однако в речи звучал легкий акцент, свойственный восточным графствам. Кем же она была?

– В таком случае я должен лишь извиниться за беспокойство, мисс... мисс...

– Я просто Джоанна Хейст из Брэдмута, сэр, – смущенно прервала она Грейвза, словно догадавшись о его сомнениях.

– Прекрасно! А я – капитан Грейвз из Рошема – там, наверху, вы же знаете. Брэдмут, он... я хотел сказать... то есть, спросить... хороший ли вид с этой башни?

– Думаю – да, но я отправилась туда не за этим. Понимаете, я хотела достать галчат. Для одного маленького мальчика в Брэдмуте, он сын священника.

– А! – лицо Грейвза озарилось, поскольку перед ним открылась прекрасная возможность продлить заинтересовавшее его знакомство. – Тогда, возможно, я смогу быть вам полезен! Полагаю, с галчатами я могу помочь.

С этими словами Грейвз отважно шагнул к башне.

– О, я не уверена, что это совершенно безопасно, сэр! – в некоторой тревоге сказала Джоанна, протягивая руку и пытаясь задержать Грейвза. – Прошу вас, не беспокойтесь из-за этого.

– Уверяю вас, это совершенно не проблема – мне нравится лазать. Видите ли, я к этому занятию привык. Однажды я даже забрался на вторую египетскую пирамиду, ту, что была вся в лесах – хотя, честно говоря, этот подвиг мне повторять не хотелось бы, – с веселым смехом сообщил Грейвз.

И прежде чем Джоанна смогла помешать ему, он уже поднимался по полуразрушенной лестнице.

Наверху Генри остановился и с некоторым сомнением осмотрел осыпающуюся стену. Затем он снял сюртук, бросил его вниз, а затем решительно закатал рукава рубашки, обнажив мощные предплечья.

– Прошу вас, не надо! – умоляла снизу Джоанна.

– Ну, уж теперь-то я не сдамся! – отвечал Генри.

Схватившись за выступающий камень рукой, он нащупал ногой наиболее устойчивый участок и начал восхождение по стене. Вскоре он достиг вершины и оказался в относительной безопасности, однако столкнулся с другой трудностью. Оконный проем, в котором пряталось гнездо галок, находился за углом и немного выше – с того места, где стоял Генри, добраться до него было невозможно. Тогда Грейвз наклонился и внимательно оглядел каменную кладку. Прямо рядом с ним росла очень мощная плеть дикого плюща, тянувшаяся вверх и разделявшаяся надвое примерно в пяти футах под гнездом. Генри знал, что доверять крепости плюща опасно, а еще опаснее – пытаться пробраться по нему за угол, но в данную минуту вопросы собственной безопасности (да и любые другие) волновали его в последнюю очередь – важнее всего было добраться до галчат, которые были так нужны этой деревенской красавице. Кроме того, Генри Грейвз был человеком, который не любит проигрывать.

Осторожно сдвинувшись влево, он вытянул руку и ухватился за толстый стебель плюща. Теперь оставалось идти только вперед – вернее, вперед и вверх. Как именно происходило это восхождение, на бумаге описать достаточно трудно, поэтому скажем лишь, что через несколько секунд нога Генри Грейвза уже стояла в развилке ветвей, а прямо перед его носом находился каменный подоконник, на котором виднелось гнездо.

– Я вижу галчат! – крикнул он. – Я их сейчас сброшу, а вы ловите их шляпой, потому что нести в руках я их не смогу!

– Ради Бога, осторожнее! – ахнула Джоанна.

Генри только рассмеялся в ответ, и в следующую секунду юная галка с отчаянными воплями отправилась в свой первый полет, бестолково хлопая слабыми крылышками. Джоанна ловко поймала птенца в свою шляпу, прежде чем он успел коснуться земли. Через секунду последовал второй запуск, затем третий и четвертый. Последний птенец оказался сильнее всех и даже умудрился пролететь несколько ярдов самостоятельно. Джоанне пришлось побежать за ним – отчаянный летун лежал на спине за расколотым могильным камнем и сердито верещал, а когда девушка протянула к нему руку, преобольно клюнул ее, так что пришлось прибегнуть к помощи носового платка. Принеся беглеца к остальным, Джоанна услышала, как Генри Грейвз сказал:

– Вот и все. Теперь я спускаюсь.

В следующее мгновение раздался такой звук, будто что-то с треском разорвалось. Джоанна вскинула голову и увидела, что Генри висит на стене башни, держась лишь одной рукой. Пытаясь вновь завернуть за угол, он наступил не на тот камень, нога соскользнула, и ему пришлось перенести весь свой вес на плеть плюща, но она не выдержала такой нагрузки и оторвалась от стены. Теперь Генри отчаянно пытался найти точку опоры, цепляясь за злополучный плющ и, по сути, болтаясь в воздухе. Тихо вскрикнув от ужаса, Джоанна стрелой метнулась обратно к башне. Она знала, что Генри упадет – но это было не самое плохое. Как раз под ним находилась старинное захоронение в виде каменного гроба, на крышке которого торчали ржавые железные шипы длиной дюйма в три или даже более того, специально предназначенные для того, чтобы праздная молодежь не использовала надгробие в качестве скамьи.

Если Генри рухнет на эту гробницу...

Джоанна обогнула страшную крышку с шипами и остановилась прямо под висящим на стене Генри. Он увидел ее взволнованное и испуганное лицо.

– Стойте на месте! Я сейчас спущусь.

С напряженным вниманием Джоанна следила, как судорожно напрягаются его сильные руки, как ходят под удивительно светлой кожей мышцы. Однако плющ предательски выскальзывал сквозь сжатые пальцы. Еще секунда – и Генри камнем упал с высоты в двадцать футов. Джоанна инстинктивно вытянула руки, чтобы поймать его, но Генри приземлился на ноги прямо перед ней, не удержался – и стал падать на нее.

Это было ужасно. Видя, что их столкновение неизбежно, Джоанна не отшатнулась, но бросилась к нему, чтобы любой ценой уберечь его от столкновения со страшной каменной плитой. Они столкнулись; лоб Генри разбил Джоанне губы, плечом он сильно толкнул ее в грудь, так, что занялось дыхание, а потом... потом она крепко обняла его, и они вместе покатались по склону от подножия башни.

Все это время она не теряла ясности рассудка. Она знала, что отступить нельзя, иначе злой рок, уготованный Генри, настигнет ее саму – и страшные шипы вонзятся ей в спину. Отчаянным усилием девушка изменила направление их падения, надеясь, что они упадут на землю. Внезапно в правом плече вспыхнула острая боль. Они упали на самый край гробницы, а затем – вниз, на землю. Капитан Грейвз оказался внизу, и голова его сильно ударилась о камень; в течение почти минуты оба лежали неподвижно, так как у Джоанны окончательно перехватило дыхание.

Потом она судорожно вздохнула и пошевелилась. Взглянув на руку, Джоанна увидела струйку крови на рукаве, а кровь из разбитых губ капала ей на грудь и на смертельно бледное лицо Генри Грейвза, лежавшего под ней.

– О, Боже, он мертв! – заплакала Джоанна. – Он мертв, и это я во всем виновата!

В этот момент Генри открыл глаза. Очевидно, он услышал ее слова, поскольку произнес:

– Не вините себя, я в порядке!

Говоря это, он попытался пошевелить ногой – и с губ его сорвался крик боли. Взглянув на его ногу, Джоанна увидела, что она вывернута под таким неестественным углом, что даже несведущей в медицине девушке стало ясно: сломана. Поняв это, Джоанна разрыдалась в голос.

– О! Ваша нога! Она сломана! Что мне делать?

– Я полагаю, – с улыбкой сказал Генри, отчаянно кусая губы, чтобы справиться с дикой болью, – что вам следует найти в кармане моего сюртука фляжку, если вы не против.

Джоанна поднялась на ноги, быстро разыскала сюртук Генри и достала из внутреннего кармана серебряную фляжку с виски; вернувшись к раненому, она одной рукой помогла ему приподнять голову, а другой поднесла фляжку к его губам.

– О, Боже, он мертв!

– Спасибо! – сказал Грейвз. – Я чувствую себя намного лучше.

С этими словами он потерял сознание.

Испуганная Джоанна влила еще несколько капель виски в его помертвевшие губы; теперь ее охватил ужас при мысли о том, что Генри может страдать и от внутренних повреждений. К ее облегчению, он быстро пришел в себя и тут же нахмурился при виде алого пятна на ее белом платье.

– Вам больно! Какой же я эгоист, думаю только о себе!

– О, не думайте обо мне, это ерунда, просто царапина. Что мне сделать? Как увезти вас отсюда? Здесь никто не живет поблизости, а до Брэдмута далеко...

– Там мой конь, но я боюсь, что не смогу ехать верхом.

– Я поеду за помощью. Но... как же я оставлю вас в одиночестве?

– Ничего, я справлюсь. Вы очень добры!

Осторожно уложив раненого, Джоанна бросилась туда, где был привязан конь капитана Грейвза. Здесь возникла новая трудность: ушибленная рука почти не слушалась, а без ее помощи девушка не могла забраться в седло, поскольку конь, хоть и достаточно смирный, не привык к шелесту женских юбок и норовил отступить от Джоанны в сторону. Наконец, плача от боли и досады, Джоанна решила отказаться от попыток сесть верхом и отправиться в Брэдмут пешком, но тут ей улыбнулась удача. Она явилась в облике рыжеволосого паренька, которого Джоанна хорошо знала – тот возвращался домой из экспедиции, посвященной поиску яиц диких птиц.

– О, Вилли Худ! – воскликнула девушка. – Скорее иди сюда и помоги мне! Там джентльмен упал с башни и сломал ногу. Садись на лошадь и скачи во весь опор к доктору Чайлду. Скажи ему, что он должен поспешить сюда и взять с собой крепких мужчин с носилками или

чем-то, на чём можно перенести раненого! Нога сломана, так что нужно взять что-то для шины. Ты меня понял?

– Почему вы вся в кровище, мисс? – спросил изумленный мальчишка. – И это самое... я никогда в жизни верхом-то не ездил.

– Да, да, я тоже ранена, но это неважно! Ты просто залезай на коня, все получится. Постой! Да уж не боишься ли ты, Вилли Худ?!

– Боюсь? Ничегошеньки я не боюсь, еще чего! – покраснел мальчик. – Мне просто мои ноги нравятся больше, чем его, вот и все!

С этими словами он решительно подошел к жеребцу и после нескольких неудачных попыток все же оказался на спине изрядно изумленного скакуна.

– погоди! – сказала Джоанна. – Ты все запомнил, что нужно сказать?

– Да! – гордо отвечал Вилли Худ. – Не волнуйтесь, мисс, я все в точности запомнил. Я сам привезу доктора сюда.

– Нет, Вилли, ты ему все передашь, а сам пойдешь в «Корону и Митру» и скажешь моей тете, что один джентльмен, капитан Грейвз из Рошема, сильно поранился, и что она должна приготовить для него комнату. Пусть приготовит мою – она самая лучшая, а ехать этот джентльмен пока никуда не сможет.

– Не волнуйтесь, мисс, я все в точности запомнил

Вилли кивнул и с громким воплем «Но-о-о-о!» отправился в путь; ноги его не доставали до стремян, а держался он за луку седла. Проводив его взглядом, Джоанна поспешила назад к раненому. Глаза его были закрыты, но он, видимо, услышал шаги девушки, потому что сразу открыл их.

– Вы так быстро? Наверное, я уснул.

– Нет-нет, я не могла вас оставить одного. Я встретила мальчишку и отправила его верхом за доктором, – сказала Джоанна, добавив себе под нос: – Очень надеюсь, что он доберется благополучно!

– Это хорошо... я рад, что вы вернулись, – тихо сказал Грейвз. – Боюсь, что доставляю вам массу беспокойства, но... не могли бы вы растереть мне руку? Мне ужасно холодно.

Джоанна уселась рядом с ним на траву и для начала укрыла его сюртуком, а потом принялась растирать ему руку. Утихшая на время боль вернулась с новой силой, и пальцы Генри, еще недавно бывшие холодными, словно лед, теперь были обжигающе горячи. Прошло еще с полчаса, тени удлинились, вечер вступал в свои права... речь Генри стала бессвязной. Он воображал себя на палубе корабля и произносил команды, он говорил что-то о дальних странах, он называл имена, среди которых Джоанна расслышала одно знакомое – Эммы Левинджер; наконец, заговорил он и о самой Джоанне.

– Какая милая... девушка... Стоило рискнуть собственной шеей... чтобы ей угодить... Стоило... угодить ей...

Еще несколько минут спустя жар спал, и Грейвз замолчал. Потом его стал бить озноб, сотрясая все тело.

– Я замерз... ради Бога, помоги мне! Разве ты... не видишь... мне холодно...

Джоанна была в полном отчаянии. Увы! Ей нечем было укрыть его. Даже если бы она сняла свое платье – тонкая ткань не согрела бы раненого. Генри вновь и вновь умолял согреть его, и, в конце концов, девушка преодолела естественное смущение и сделала единственное, что было в ее силах: легла рядом и обняла его, стараясь успокоить.

Видимо, у нее получилось, поскольку стоны несчастного стихли, и он медленно погрузился в забытие. Над ними уже сгустились сумерки, но помощь все не шла. «Куда же запропастился Вилли, – думала Джоанна. – Если он не поторопится, этот человек наверняка умрет!» Она и сама слабела с каждой минутой – кровь по-прежнему текла из раны на ее плече. Периоды забытия и тумана чередовались с прояснениями, однако сознание Джоанны мутилось все чаще, пока, наконец, не оставило ее.

Сумерки превратились в ночную тьму, а двое несчастных так и сжимали друг друга в объятиях среди старых могил, и лишь звезды проливали на них свой неяркий свет...

Сумерки превратились в ночную тьму

Глава IV

Генри Грейвз возвращается домой

Тридцатитрехлетний Генри Грейвз был вторым и единственным оставшимся в живых сыном сэра Реджинальда Грейвза из Рошем Холл – поместья, расположенного примерно в 4 милях от Брэдмута. Еще в юности он выбрал для себя стезю военного моряка и относился к этому выбору столь серьезно, что в течение последних 18 лет, или около того, крайне мало времени проводил дома. Однако за несколько месяцев до встречи с Джоанной Хейст он был вынужден отказаться от своего призвания – вопреки своей воле. Генри командовал канонеркой и находился у берегов Британской Колумбии, когда однажды вечером получил телеграмму, извещавшую о смерти его старшего брата Реджинальда – тот встретил свой нечаянный конец в результате несчастного случая во время конной выездки. Между двумя братьями никогда не было особой связи, они не были привязаны друг к другу по причинам, которые мы вскоре разъясним – и, тем не менее, внезапное известие стало настоящим шоком для Генри, шоком, который не могло смягчить даже то обстоятельство, что теперь он – как он сам полагал – становился наследником довольно крупного состояния.

Когда в семье растут два сына, родители почти неизбежно предпочитают кого-то одного из них. Так было и в семье Грейвзов. В детстве Реджинальд был своенравным, красивым, веселым и обаятельным мальчиком, а Генри – куда более невзрачным и молчаливым, предпочитающим одиночество и фанатично преданным идее чести и долга. Вполне естественно, что почти вся любовь семьи – отца, матери и сестры – досталась Реджинальду, Генри же был предоставлен самому себе. Он никогда не жаловался и был слишком горд, чтобы ревновать, а потому никто, кроме него самого, не знал, как он страдает от ежедневных, пусть и неумышленных проявлений пренебрежения со стороны близких. У него выработалась привычка скрывать свои истинные чувства, хотя на самом деле он обожал своих родных – а они считали его туповатым и даже порой со значением называли его «бедный Генри», как если бы он был умственно отсталым.

В результате Генри очень рано, будучи еще подростком, с характерной для него решимостью пришел к выводу, что вдали от дома и семьи жизнь его будет куда счастливее. Поступив в военный флот, он отдался своему делу целиком, проявив недюжинный интеллект и рвение, а потому добился куда больших успехов на этом поприще, чем большинство молодых людей, не проявляющих к службе достаточного интереса или уже имеющих достаточные средства, чтобы не заниматься всерьез собственной карьерой.

В какой бы должности Генри ни служил, везде он завоевывал доверие и уважение, как своих подчиненных, так и начальства. Он был трудолюбив – и ему часто поручали самую тяжелую работу; он никогда не уклонялся от нее, хотя зачастую все лавры доставались совсем другим людям. Кроме того, Генри был честолюбив. Он никогда не забывал обид, перенесенных в детстве, и тайне испытывал огромное желание когда-нибудь доказать родне, всегда и во всем предпочитавшей его более эффектного брата, что слеплен из куда более крутого теста, чем они привыкли думать.

Этому он посвятил всю свою жизнь. Денег на содержание ему доставалось немного, поскольку отец распределял их неравномерно, а запросы Реджинальда со временем становились все более и более экстравагантными. Как бы там ни было, Генри никогда не превышал лимит, отпущенный ему, хотя зачастую оказывался на мели. Он был человеком сильных страстей и бурного темперамента – но редко позволял и тому, и другому овладеть им. Страсть – это всегда расходы, и потому он с осторожностью относился к любым ее проявлениям, особенно – если дело касалось прекрасного пола. Генри полагал, что в лучшем случае дело закончится

беспокойством и тоской, а в худшем – позором и полным крахом, в связи с чем приучил себя к сдержанности до такой степени, что чувство долга перешло в привычку.

Так и шла его жизнь, пока телеграмма не принесла ужасное известие о смерти брата. Примерно через две недели после этого последовало и письмо от отца, часть которого мы позволим себе привести здесь. Начиналось оно так:

«Мой дорогой Генри!

Из телеграммы ты уже знаешь об ужасном горе, которое постигло нашу семью. Твоего брата Реджинальда больше нет – Провидению было угодно забрать его из этого мира в полном расцвете мужественности, и мы должны со смирением принять то, что не в силах изменить...»

Далее следовало описание подробностей несчастного случая и прошедших вслед за тем похорон. Продолжалось письмо так:

«...Твоя мать и сестра совершенно убиты горем, о себе же могу сказать, что сердце мое разбито. Жизнь моя разрушена, и я полагаю, что буду лишь приветствовать свой смертный час, когда он, наконец, придет. Как жестоко и несправедливо то, что блестящий и любимый всеми молодой человек, каким был твой брат, вырван из нашей жизни – но на все Божья воля. Хоть вы и редко виделись в последние годы, я знаю, что ты вполне сочувствуешь нам в нашей всепоглощающей печали.

Обращаясь к прочим вещам, о которых вынуждает меня говорить эта смерть: разумеется, смерть твоего любимого брата ставит тебя на его место – то есть, во всем, что касается земных дел. Могу сразу сказать, что финансовые дела наши крайне запутаны. В последнее время ими по большей части занимался Реджинальд, и пока я не могу сообщить тебе всех деталей. Однако в целом, вообще говоря, дела намного хуже, чем я предполагал, и даже сейчас, когда прах твоего бедного брата покоится в могиле, к его имуществу предъявлены серьезные претензии, которые, разумеется, должны быть удовлетворены ради сохранения чести нашей семьи.

Теперь, мой дорогой мальчик, я – или, вернее, твоя мать, твоя сестра и я – должны попросить тебя принести жертву, если ты сочтешь таковой нашу просьбу: а именно, мы просим, чтобы ты оставил службу и вернулся домой, чтобы занять место своего брата. Эта просьба продиктована отнюдь не легкомыслием или эгоизмом – как ты знаешь, здоровье мое совершенно расшатано, и я не способен справиться со всеми трудностями и бедами, обрушившимися на нас. Бесплезно было бы скрывать от тебя, что если в самое ближайшее время не будут предприняты определенные шаги, и мы не найдем удовлетворительное решение, то Рошем, скорее всего, придется продать за долги – сам я едва могу думать об этом и уверен, что столь же болезненно воспримешь эту ужасную новость и ты, поскольку прекрасно знаешь, что эта земля принадлежала нам на протяжении трех веков, и у нас нет иных источников дохода...»

Затем отец пускался в детали, живописуя их в самом черном цвете, а заканчивалось письмо намеком на некий возможный способ избежать семейной катастрофы, о котором Генри узнает по возвращении в Англию.

Получение этого послания ввергло Генри Грейвза в пучину тяжких раздумий и душевной борьбы. Как уже было сказано, он любил свое дело и не хотел расставаться со службой. Его перспективы в военно-морской карьере нельзя было назвать блестящими, однако послуж-

ной список, лежавший в Адмиралтействе, был вполне хорош, на службе Генри пользовался авторитетом, как у офицеров, так и у простых матросов – хотя, пожалуй, любовь последних была искреннее. Кроме того, он был уверен в своих силах и искренне желал достичь новых вершин в карьере. После многих лет службы в звании лейтенанта, получив новый чин и независимое командование, он, наконец, получил для этого все возможности – и теперь его просили отказаться от карьеры, а вместе с ней – и от всех надежд на будущее, с тем, чтобы он взял на себя управление разоренным поместьем: делом, к которому он сам считал себя совершенно непригодным.

Сначала он хотел решительно отказаться, но помедлил – и стал колебаться. Пока он раздумывал, пришло второе письмо, от матери, к которой он был более всего привязан. Мать не вдавалась в детали, однако письмо дышало глубоким отчаянием, она умоляла Генри вернуться в Англию и спасти семью от разорения. В самом конце письма, так же, как и в послании отца, содержался таинственный намек на неизвестное обстоятельство, с помощью которого Генри, и только он один, сможет все поправить и восстановить благополучие семьи.

Долг и обязанности Генри Грейвз всегда почитал превыше всего – и чрезвычайная ситуация взывала сейчас именно к ним. У него больше не было сомнений относительно того, как следует поступить; пожертвовав личными желаниями и тем, что он считал своими успехами, Генри принял решение.

Он попытался получить отпуск в связи с неотложными семейными делами, однако потерпел неудачу и был вынужден отослать в Адмиралтейство прошение об отставке в связи со смертью старшего брата.

День, когда он сделал это, стал самым несчастным в его жизни: мечты о карьере, на которую он надеялся, и о славном будущем растаяли, как дым, и теперь единственное, что ему предстояло – стать баронетом, не имеющим ни гроша для обеспечения своего титула, и номинальным владельцем обанкротившегося поместья. Более того, каким бы разумным и просвещенным человеком он ни был – Генри Грейвз был моряком, а ни один моряк не обходится без суеверий. Сердце подсказывало ему, что грядущее предприятие не принесет ему удачи, даже если он сможет облегчить положение своей семьи. Генри снова чувствовал себя мальчиком, который впервые столкнулся с большим миром и должен пробить себе дорогу через все его жестокие испытания – или быть погребенным под ними.

В положенный срок лорды Адмиралтейства ответили командиру Грейвзу, что прошение его было принято к рассмотрению, и теперь ему предоставляется отпуск для приведения дел, необходимых для ухода из военно-морского флота Ее Величества, в порядок. Не стоит подробно останавливаться на чувствах, которые испытывал Генри Грейвз, когда садился в шлюпку и в последний раз отплывал от борта своего корабля. Чувства эти были горькими, и даже явное сожаление и искренняя печаль сослуживцев, провожавших его, не могли подсластить миг расставания. Достаточно сказать, что в час прощания с кораблем Генри Грейвз впервые со времен своего детства был близок к тому, чтобы разрыдаться.

Однако он все же справился с собой, даже смог рассмеяться и помахать шляпой, когда экипаж «Ястреба» – так называлась канонерка, которой он командовал – выстроился на палубе, прощаясь с ним.

Восемнадцать дней спустя он стоял в библиотеке Рошем Холл. Несмотря на середину мая, было очень холодно, а едва распустившейся зелени явно недоставало, чтобы убедить путешественника в окончании зимы. Неописуемо мрачный вид открывался из большого белого дома, напоминавшего своей формой гигантский викторианский мавзолей и окруженного траурными кедрами. Впрочем, это место трудно было бы назвать веселым даже в разгар солнечного лета. Тень смерти лежала на доме и его обитателях – это чувство пронзило и Генри, едва он переступил родной порог. Отец – высокий старый джентльмен со снежно-белыми волосами и благородной осанкой, встретил его в холле, проявив сердечность, которая вскоре увяла.

– Здравствуй, мой дорогой мальчик! – сказал он. – Как ты добрался? Я очень рад видеть тебя дома, прекрасно выглядишь. Очень любезно с твоей стороны, что ты так быстро откликнулся на нашу просьбу об оставлении флотской службы. Я даже не ожидал, что ты согласишься. Честно говоря, ничто не могло удивить меня больше, чем твое письмо, в котором ты извещал, что подал в отставку. Я рад твоему возвращению, хотя и сомневаюсь, что тебе удастся что-то сделать.

– Тогда, возможно, мне стоило бы остаться там, где я был, отец! – заметил Генри.

– Нет-нет, хорошо, что ты приехал – по многим причинам, которые ты вскоре поймешь. Ты, верно, ждешь мать и Эллен? Они отправились в церковь, отнести венок на могилу твоего бедного брата. Поезда обычно запаздывают, и мы не ожидали тебя так скоро. Ах, Генри, это был такой ужасный удар! Я совершенно сломлен и вряд ли смогу оправиться от него. Да вот и они!

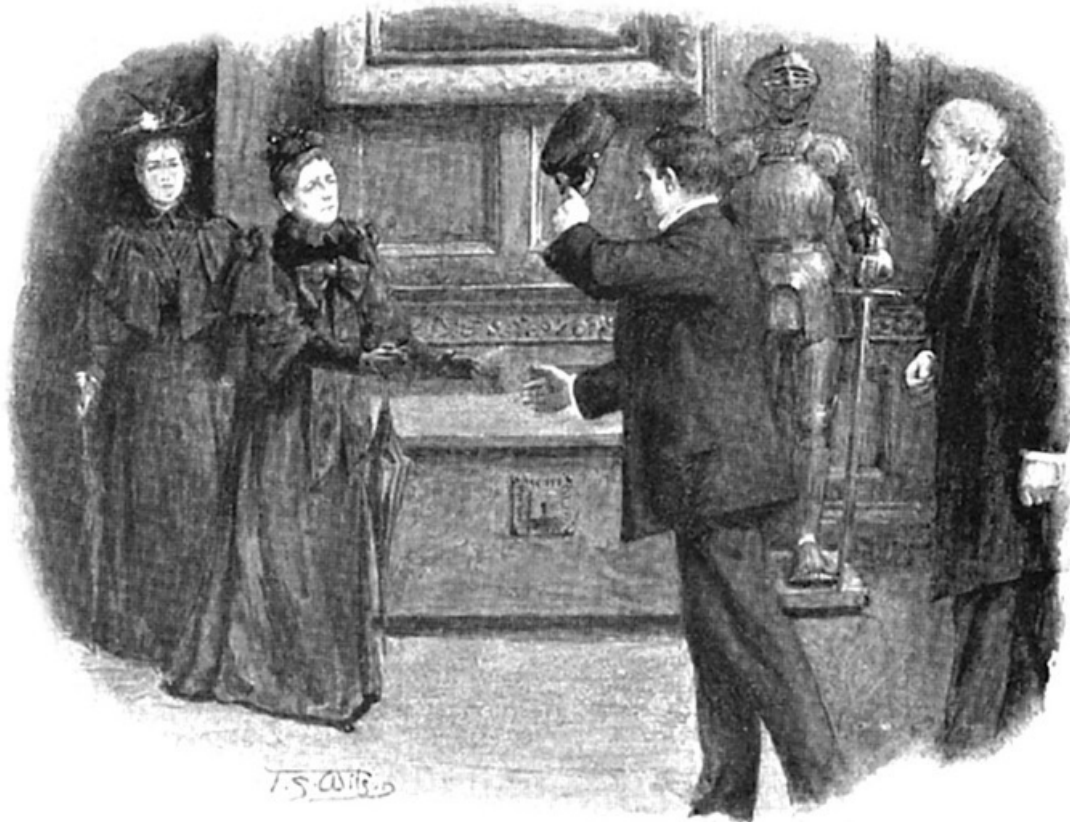
При этих словах сэра Реджинальда в холл вошли леди Грейвз и ее дочь. Они довольно тепло приветствовали Генри.

Матери было около шестидесяти. Она все еще была красива, однако молчалива и сдержанна, как и сам Генри. Беды, обрушившиеся на нее, отразились на усталом лице. В остальном же леди Грейвз была женщиной честной, религиозной, и единственной страстью, которую она себе позволяла в жизни, был ее старший сын Реджинальд. Он умер – и дух ее был сломлен, теперь в ее жизни не осталось ничего, кроме отчаянного желания предотвратить разорение, угрожавшее их дому.

Эллен Грейвз, молодая женщина лет двадцати пяти, была совсем иного типа. Красивая, прекрасно развитая, яркая и женственная, она была по натуре стремительной, бодрой и общительной, довольно много читала; ей была не свойственна глубокая привязанность, хотя Реджинальда она почти боготворила. С другой стороны, она быстро осознала, какие преимущества дает ей его смерть, и теперь обдумывала свои дальнейшие шаги. В данный момент мысли ее занимало тайное желание вступить в выгодный брак с единственным приличным холостяком в округе, носившим фамилию Милуорд. То был довольно пустой человек. Он был высок и хорошо сложен, однако характер имел слабый, и Эллен была уверена, что сможет с легкостью им управлять.

Внешне воссоединение семьи вышло теплым и сердечным, однако в душе Генри был разочарован. Инстинктивно он чувствовал, что все, за исключением, быть может, матери, радовались ему, потому что хотели каким-то образом использовать; что он был вызван домой, потому что мог оказаться полезным – а не потому, что его присутствие могло кого-то утешить и было искренне желанным для семьи, которую постигла общая беда; теперь он еще сильнее желал бы вернуться на «Ястреб» и зависеть исключительно от собственных сил и способностей строить свою жизнь.

После унылого ужина в большой столовой, где холодные каменные колонны и потрескавшиеся стены, украшенные довольно закопченными работами старых мастеров, никак не способствовали атмосфере сердечности, в библиотеке состоялся семейный совет. Он продолжался до поздней ночи, но мы лишь кратко подведем его итоги.

В холл вошли леди Грейвз и ее дочь

В лучшие времена стоимость Рошем Холл составляла около ста тысяч фунтов; теперь же, во времена ужасающей депрессии, разрушавшей сельскую Англию, сомнительно было, что найдется покупатель, готовый заплатить хотя бы половину этой суммы, несмотря на то, что поместье славилось охотничьими угодьями. Когда сэр Реджинальд Грейвз вступил во владение поместьем, оно было обременено ипотекой в 25 тысяч фунтов или около того. Когда его старший сын Реджинальд достиг совершеннолетия, выплаты сократились, кроме того, потребовались дополнительные суммы на содержание, так что теперь долг, включая просроченные проценты, добавленные в разное время, составлял в общей сложности 51 тысячу фунтов, что было больше продажной стоимости поместья.

Генри поинтересовался, куда же ушли все деньги – и после некоторой, довольно мучительной заминки получил ответ, что в последние годы деньги по большей части уходили на погашение долгов его брата на скачках. После этого ответа Генри решил помалкивать и не задавать лишних вопросов.

В дополнение к этому долгу имелись неудовлетворенные иски к имуществу Реджинальда на сумму более тысячи фунтов, а в довершение всего трое основных арендаторов уведомили о расторжении договоров накануне Михайлова дня, и с тех пор новых заявок на их фермы не поступало. Задолженности по ипотечным кредитам было уже более года.

Выяснив все это, Генри заговорил с некоторым раздражением:

– Коротко говоря, мы банкроты, с какой стороны ни возьми. С какой же стати вы заставили меня покинуть службу? Во всяком случае, я мог обеспечивать хотя бы самого себя – теперь же мне придется голодать вместе с остальными!

Леди Грейвз вздохнула и вытерла слезы. Вздох относился к потерянному состоянию, слезы – к покойному сыну, виновному в этом.

Сэр Реджинальд, более привычный к денежным затруднениям, был, похоже, расстроен не так сильно.

– О, все не так уж плохо, мой мальчик! – сказал он почти весело. – Твоему брату почти всегда удавалось найти выход из этих затруднений, и я уверен, ты сможешь сделать то же самое. У меня больше нет личного интереса ко всему этому, ибо дни мои сочтены, но ты должен сделать все возможное для себя, своей матери и сестры. А теперь я, пожалуй, пойду спать, дела утомили меня.

Когда отец и мать ушли, Генри достал и раскурил свою трубку.

– Кто владелец ипотеки? – спросил он у сестры, с любопытством наблюдавшей за ним.

– Мистер Левинджер. Он и его дочь приезжают сюда завтра и останутся до понедельника.

– Это тот загадочный друг отца, красавец-мужчина, который во времена моего детства был агентом по недвижимости?

– Да. Он приезжал сюда поохотиться, когда ты был в отпуске полтора года назад.

– Я помню. С ним была его дочь – бледная тихая девица.

– Не вздумай насмеяться над ней, Генри.

– Почему бы и нет?

– Потому что глупо смеяться над собственной будущей женой. В этом и заключается наше спасение, дорогой братец. Она наследница и уже наполовину влюблена в тебя, Генри. Нет-нет, я не ошибаюсь, я знаю наверняка. Теперь ты понимаешь, почему тебе необходимо было вернуться? Либо ты последуешь семейной традиции и женишься на богатой наследнице, мисс Левинджер, или еще на ком-то, либо это поместье уйдет за долги, а мы все отправимся в работный дом.

– Так вот зачем меня вызвали! – воскликнул Генри, отшвыривая трубку. – Чтобы продать этой девице! Знаешь, Эллен, все, что я могу об этом сказать... Это адский, чудовищный позор!

С этими словами он вскочил и отправился спать, даже не попрощавшись с сестрой.

Эллен смотрела ему вслед без тени раздражения или удивления. Потом она поднялась со своего места и встала возле огня, грея ноги и рассматривая ряды тусклых семейных портретов, украшавшие стены библиотеки. Их было много, очень много, начиная с XVII века или даже раньше, поскольку Гравесы или Де Гривсы, как их тогда называли, были древним родом, и хотя дворянство было вновь пожаловано им лишь 120 лет назад, жили здесь они с незапамятных времен. За столетия род то угасал, то возрождался вновь; в начале нынешнего века один из членов семьи стал баронетом – это была плата за политические услуги. Род Грейвзов не произвел на свет ни великих людей, ни героев, ни злодеев; он никогда не отличался ни особым богатством, ни крайней нищетой – да и вообще ничем не отличался и не выделялся.

Может возникнуть вопрос: как же получилось, что Грейвзы ухитрились пережить все взлеты и падения, сохранив имущество, для преумножения которого они никогда ничего не делали. Ответ кроется в родословной этой семьи. Из поколения в поколение старший сын семьи Грейвз женился на богатой наследнице, и это позволяло с достаточной регулярностью удерживать семью на плаву, несмотря ни на какие растраты, кризисы и притязания младших сыновей.

– Они все так делали! – пробормотала Эллен, глядя на портреты своих предков, освещенные сполохами пламени в камине. – Почему же ему не поступить так же? Я не сентиментальна – но я скорее выйду за еврея из России, чем увижу, как этот дом отдадут под псарню. К тому же подобные вещи труднее переносит женщина – но не мужчина. Будет трудно, но в конце концов он на ней женится, даже если один ее вид будет ему ненавистен. Мужчина не должен позволять чувствам брать верх в таком вопросе – человек умирает, но семья пребудет вовеки. Слава Богу, у Генри всегда было развито чувство долга, и когда он с холодной головой взглянет на эту ситуацию, то увидит ее в должном свете, хотя все равно остается загадкой, что заставило влюбиться в него эту маленькую белобрысую мумию – ведь он ни разу в жизни с ней и словом не перемолвился. Благослови ее Господь, бедняжку. Единственная удача, кото-

рая настигла нашу семью – по крайней мере, наше поколение. Ладно, теперь пора спать – эти старые портреты начинают на меня странно посматривать!

Глава V

Левинджеры навещают рошем

Редко доводилось Генри Грейвзу чувствовать себя более несчастным, чем в ночь его возвращения в Рошем. Он вполне ожидал, что дела его отца находятся в плачевном состоянии, но действительность оказалась куда хуже всего, что он мог себе представить. Семью постиг полный крах – исключительно по вине его брата, поведению которого не было оправдания – и теперь выяснилось, что единственным спасением из сложившейся ситуации должна стать женитьба Генри на дочери их главного кредитора. И ради этого ему пришлось оставить флот и тащиться с другой стороны света домой!

– Я не сентиментальна...

Думая об этом, Генри даже рассмеялся, ибо в некотором смысле ситуация действительно была смешной. В романах, да и в реальной жизни подобная дилемма – сохранить собственную честь или благосостояние семьи – обычно стоит перед героиней, однако мало кто слышал, чтобы подобный выбор ставился перед мужчиной, возможно, потому, что мужчины о подобном предпочитают помалкивать.

Генри попытался вызвать в памяти образ молодой леди – и вскоре вспомнил ее: бледную, молчаливую девицу с хорошей фигурой, большими серыми глазами, темными ресницами и льняными, очень светлыми волосами. Она обычно сидела в углу комнаты и наблюдала за собравшимися, не произнося ни слова, но ее молчание, странным образом, создавало впечатление глубокой заинтересованности.

Такова была женщина, на которой, как ожидала его семья, он должен жениться, и которая, по словам сестры, сама выразила, прямо или косвенно, желание выйти за него! Эллен сказала, что мисс Левинджер «почти влюблена» в него, но это же абсурд! Как можно влюбиться в человека, которого почти не знаешь? Если допустить, что это правда, то более вероятным было бы предположить наличие странного желания со временем стать леди Грейвз; или, возможно, такое желание владеет ее отцом, а сама девушка – лишь безвольное орудие в его руках. Хотя Генри встречался лично с мистером Левинджером всего раз или два, кое-что о нем он знал и теперь решил собрать все эти знания воедино, благо спать совершенно не хотелось.

Вот что он припомнил: мистер Левинджер поселился по соседству много лет назад; тогда ему было лет тридцать, он был очень хорош собой, имел самые изысканные манеры и по слухам, был весьма благородного происхождения. Говорили, что он довольно долго служил в армии – так или иначе, было очевидно, что мир он повидал. Левинджер поселился в Брэдмуте, в доме некоего Джонсона, землевладельца. Он был уважаемым человеком и отличным спортсменом, сразу стал признанным лидером здешнего общества и, не без помощи симпатизировавшего ему сэра Реджинальда Грейвза, который привлек его к управлению поместьями Рошема, вскоре занялся собственным делом в качестве земельного агента, чем и обеспечивал свое существование – других источников дохода у него, кажется, не было.

Мистеру Левинджеру был дан великий дар – очаровывать женщин, и в конечном итоге это и стало основой его состояния. Однажды, к тайному разочарованию его многочисленных знакомых дам, мистер Левинджер своими руками разрушил собственный общественный статус, совершив мезальянс и взяв в жены весьма привлекательную, но совершенно не знающую жизни Эмму Джонсон, единственную дочь своего лендлорда. Общество, до сих пор боготворившее его, немедленно закрыло перед ним все двери, а дамы, недавно дарившие его своей благосклонностью, ополчились против миссис Левинджер.

Когда старый Джонсон умер – это случилось через несколько месяцев после свадьбы его дочери – стало известно, что он оставил после себя не то 50, не то 100 тысяч фунтов, которые унаследовали его дочь и ее муж. Тут общество начало потихоньку понимать, что в мезальянсе мистера Левинджера таился глубокий смысл – «в его безумии был метод»⁶.

По всей вероятности, из-за небрежности адвоката условия завещания мистера Джонсона оказались несколько своеобразными. Все имущество, движимое и недвижимое, переходило его дочери Эмме, а после ее смерти – Джорджу Левинджеру, каковым будет пользоваться до самой смерти упомянутый Джордж Левинджер, а затем – его законнорожденные дети.

Смысл завещания был в том, что если миссис Левинджер умрет бездетной, то дети ее мужа от второго брака смогут унаследовать ее имущество; если же она, не имея детей, переживет своего мужа, то получит право на создание специального фонда. Впрочем, все эти детали

---

⁶ Цитата из «Гамлета».

оказались не важны, поскольку миссис Левинджер умерла, родив единственного ребенка – дочь, которую в честь нее тоже назвали Эммой.

Что касается самого мистера Левинджера, то его энергия, казалось, испарилась сразу после заключения столь удачного союза. Как только тесть умер, Джордж Левинджер бросил все дела и поселился в комфортабельном доме из красного кирпича, стоявшем на берегу моря в уединенном месте, примерно в четырех милях к югу от Брэдмута. Это место было известно под именем Монкс Лодж и являлось частью наследства Эммы Левинджер. Здесь мистер Левинджер зажил в полном уединении, поскольку недавние друзья оставили его. Деловая стезя его также больше не влекла – он довольствовался тем, что управлял своим большим поместьем и мог, к тому же, куда больше времени уделять занятиям археологией и чтению.

Наступила суббота. За завтраком Эллен небрежно заметила, что мистер и мисс Левинджеры приедут около шести и останутся до воскресенья.

– Разумеется! – буркнул Генри тоном, не предполагавшим дальнейшего разговора на эту тему.

Однако Эллен, которая также провела ночь в размышлениях, не позволила ему уйти от разговора.

– Я надеюсь, ты будешь вести себя с ними цивилизованно, Генри?

– Я вообще-то всегда веду себя цивилизованно, Эллен.

– Я не сомневаюсь! – тихо, но настойчиво продолжала Эллен. – Но, видишь ли, есть разные способы вести себя цивилизованно. Я не уверена, что ты вполне понимаешь ситуацию...

– О, я прекрасно все понимаю. Я должен жениться на этой леди – если она настолько глупа, чтобы выйти за меня и тем самым оплатить долги моего отца. Но предупреждаю, Эллен, в настоящий момент я представляю себе это с большим трудом!

– Пожалуйста, не сердись, дорогой, – сказала Эллен чуть мягче. – Я понимаю, что твое положение достаточно неприятно и в некотором роде... унижительно для гордого человека. Разумеется, никто не может вынудить тебя силой жениться на ней, если ты этого не захочешь – тогда все будет кончено. Единственное, о чем я тебя прошу... нет, умоляю: будь с Левинджерами посердечнее и постарайся объективно рассмотреть эту возможность. Что до меня, я полагаю, что куда более унижительно позволить нашему отцу обанкротиться в его возрасте, чем жениться на хорошей и неглупой девушке, на Эмме Левинджер. Конечно, я всего лишь женщина, у меня нет «гордости»... вернее, она недостаточно сильна, чтобы отправить ради нее всю свою семью в работный дом, если я могу спасти родных, принеся столь небольшую жертву.

Выпустив эту стрелу сарказма, Эллен поднялась и вышла из комнаты прежде, чем Генри нашелся, что ей ответить.

В то же утро он вместе с матерью отправился в церковь, чтобы навестить могилу брата – печальный и удручающий долг, тем более что врожденное чувство справедливости никак не позволяло ему хоть как-то оправдать покойного брата, чье поведение он считал бесчестным. По дороге домой леди Грейвз также заговорила с ним о Левинджерах.

– Полагаю, ты знаешь, Генри, что мистер Левинджер и его дочь сегодня приедут с визитом.

– Да, мама, Эллен мне сказала.

– Конечно. Ты, несомненно, помнишь мисс Левинджер. Она очень милая девушка, во всех отношениях. Твой дорогой брат восхищался ею.

– Да, я ее смутно припоминаю... однако вкусы у нас с Реджинальдом всегда были разные.

– Что ж, Генри, я надеюсь, она тебе понравится. Вопрос слишком деликатен, чтобы говорить о нем, даже если это разговор матери с сыном, но теперь ты знаешь все – знаешь и то, как сильно мы задолжали Левинджерам. Конечно, если бы нашелся способ разрешить все наши трудности, это стало бы большим облегчением для меня и твоего дорогого отца. Поверь мне,

мой мальчик, я мало забочусь о себе, но его – его я хочу спасти от еще большей печали. Сейчас его может убить любая малость.

– Послушай, мама! – прямо сказал Генри. – Эллен сказала – вы с отцом хотите, чтобы я женился на мисс Левинджер и тем самым спас семью. Что ж, я постараюсь помочь, если смогу. Я представления не имею, какие у вас основания полагать, что юная леди захочет выйти за меня. Насколько я могу судить, она может найти своему состоянию куда лучшее применение.

– Я не совсем уверена в этом, Генри, – отвечала леди Грейвз с некоторым колебанием. – Я просто помню, как мистер Левинджер навещал нас полтора года назад – ты как раз собирался обратно на свой корабль после отпуска – и сказал твоему отцу, с которым, как ты знаешь, они всегда, с молодых лет были близки, что ты просто молодец и очень понравился ему и его дочери. Еще, насколько я помню, он выразился в том смысле, что если бы мог увидеть Эмму замужем за таким человеком, как ты, то умер бы счастливым, или что-то в этом роде.

– Довольно шаткая основа, чтобы строить на ней грандиозные планы, не так ли, мама? Прошло полтора года, он мог и передумать, а сама мисс Левинджер – встретить уйму мужчин, которые понравились ей еще больше. А, вот и Эллен идет нам навстречу. Давай оставим этот разговор.

Около шести часов того же дня, возвращаясь с прогулки, Генри увидел возле дома высокий двухколесный экипаж и понял, что мистер и мисс Левинджер прибыли. Желая оттянуть момент встречи, Генри торопливо прошел к себе и не выходил из комнаты почти до самого обеда. Когда же до положенного часа осталось всего несколько минут, он спустился в гостиную – довольно большую и плохо освещенную комнату. Кажется, в ней никого не было, и Генри, чье настроение трудно было назвать хорошим, с облегчением собрался сесть в кресло, как вдруг в углу гостиной послышался какой-то шорох. Взглянув туда, Генри увидел в большом кресле женскую фигуру, склонившуюся над книгой.

– Почему бы тебе не выйти на свет, Эллен? Так ты испортишь глаза.

Снова раздался шорох. Женщина закрыла книгу, встала и довольно робко шагнула на середину комнаты. Это оказалась молодая стройная девушка, с большим вкусом одетая в прелестное бледно-голубое платье. Волосы у нее были льняные, кожа белоснежная, глаза – огромные, серые и какие-то... умоляющие. Руки у девушки были очень маленькие и изящные, с тонкими длинными пальчиками. Она остановилась на границе круга света, который отбрасывала лампа, и ее бледное личико стало стремительно розоветь – пока не стало алым от смущения. Генри тоже замер, охваченный внезапной и совершенно необъяснимой робостью. Он догадался, что перед ним, скорее всего, мисс Левинджер – он даже вспомнил ее лицо – но не мог произнести ни единого слова. Единственное, о чем он жалел – о том, что не дождался обеденного гонга в своей комнате. Его поведение было вполне извинительно для скромного молодого человека, неожиданно для себя оказавшегося лицом к лицу с той, на ком его хотят женить насильно...

– Как поживаете? – наконец, выдавил Генри. – Мне кажется, мы уже встречались раньше.

С этими словами он протянул девушке руку.

– Да, встречались, – застенчиво отвечала она тихим голосом, легко касаясь его крепкой загорелой руки своими нежными пальчиками. – Мы виделись, когда вы приезжали домой на Рождество.

– Да? Мне казалось, намного раньше, – пробормотал Генри. – Я был удивлен, что вы меня помните.

– Я редко и мало с кем вижу, поэтому и не забываю! – улыбнулась девушка. – Кроме того, боюсь, это для вас прошло много времени – за границей, в новых неведомых краях – но для меня, почти не покидающей Монкс Лодж, все было словно вчера.

– Ну, да, вероятно! – промямлил Генри, а затем, стремясь переменить тему, добавил: – Боюсь, я был не слишком вежлив. Я принял вас за свою сестру. Не представляю, как можно читать в такой темноте, и меня всегда раздражает, что люди портят себе глаза. Если бы вы когда-нибудь постояли на ночной вахте в море, вы бы меня поняли.

– Я привыкла читать при любом свете, – отвечала Эмма.

– Вы, должно быть, много читаете?

– Мне больше нечем заняться. Видите ли, у меня нет ни братьев, ни сестер, вообще никого, кроме моего отца, но он по большей части занят собственными делами. Соседей у нас мало – по крайней мере, тех, с кем мне хотелось бы поддерживать отношения.

С этими словами она вновь залилась краской. Генри вспомнил, что Левинджер считался чем-то вроде изгоев в здешнем обществе, и не стал развивать дальше эту тему.

– Что вы читаете?

– О, буквально все подряд. У нас хорошая библиотека, и я могу выбирать, хотя, пожалуй, предпочитаю интересные истории – особенно зимой, когда не хочется выходить из дома. Видите ли, мне нравится узнавать о человеческой природе и поступках, а книги дают такую возможность...

Внезапно она смолкла, потому что в комнату вошла Эллен. Выглядела она очень эффектно – в черном платье с глубоким вырезом, оттенявшем белизну ее шеи и плеч.

– О, мисс Левинджер, вы уже спустились вниз? – воскликнула она. – Неужели уже распаковали весь багаж? Как вы быстро одеваетесь! – тут она окинула гостью придирчивым взглядом. – Дайте-ка вспомнить: вы уже знакомы с Генри, или я должна представить вас друг другу?

– Нет, мы уже встречались раньше, – отвечала Эмма.

– О, да! Я вспомнила! Конечно, вы были здесь, когда брат приезжал в отпуск!

Генри мрачно улыбнулся и отвернулся, чтобы скрыть выражение своего лица. Эллен продолжала болтать:

– Никакого приема, конечно, не будет, даже если бы мы и захотели – да и приглашать некого. В это время года все в Лондоне, конечно. Единственный, кто остался в нашей глуши – это мистер Милуорд, думаю, мама его позвала. Ах! Вот и он!

Дворецкий распахнул двери и объявил:

– Мистер Милуорд!

Мистер Милуорд оказался высоким красивым молодым человеком с излишне вытаращенными глазами и покатым лбом; одет он был с максимальной изысканностью, которую позволяют вечерние костюмы англичан.

– Мне кажется, мы уже встречались раньше

Манеры у него были уверенные, себя он ценил весьма высоко, и потому его тон по отношению к тем, кого он считал ниже себя по положению или состоянию, балансировал на грани покровительственного и наглого. Говоря коротко, он был наглым и самовлюбленным типом, избалованным вниманием дам, желающих заполучить его в мужья себе или своим родственникам.

«До чего невыносим!» – подумал Генри, едва взглянув на вошедшего, и, забегаая вперед, скажем, что дальнейшее знакомство с мистером Милуордом только укрепило его в этом мнении.

– Как поживаете, мистер Милуорд? – спросила Элен, вложив в обычное приветствие чуточку больше тепла, чем требовалось. – Я очень рада, что вы смогли приехать.

– Благодарю, мисс Грейвз. Как поживаете вы? Мне пришлось телеграфировать леди Фишер, с которой я собирался ужинать сегодня на Гросвенор-сквер, и сказать ей, что я болен, чтобы не ехать в Лондон. Надеюсь, она не раскроет мой маленький обман.

– Разумеется! – с легкой иронией заметила Элен. – Леди Фишер многое потеряла, а мы – приобрели, хотя я полагаю, что вы нашли бы Гросвенор-сквер куда более интересным местом, чем Рошем. Однако позвольте представить вас моему брату, капитану Грейвзу, и мисс Левинджер.

Мистер Милуорд удостоил Генри кивка, а затем повернулся к Эмме и сказал:

– Здравствуйте, мисс Левинджер! Наконец-то мы встретились. Я был страшно разочарован, не встретив вас в декабре, когда навещал Кринглтон-Парк. Как поживает ваша матушка, леди Левинджер? Излечилась ли она от невралгии?

– Боюсь, здесь какая-то ошибка! – сказала Эмма, заметно робея под натиском этого бесцеремонного человека. – Я никогда в жизни не бывала в Кринглтон-Парке, а моя мать, миссис Левинджер, скончалась много лет назад.

– О, правда? Прошу прощения! Я принял вас за мисс Левинджер из Кринглтона, наследницу громадного состояния, с которой мы познакомились в Италии. Понимаете, я отлично помню, как леди Левинджер говорила, что никаких других Левинджеров не существует.

– Боюсь, что я – живое опровержение этому утверждению леди Левинджер! – ответила Эмма, вспыхнув, и отвернулась.

Элен, кусавшая губы от досады, уже собиралась вмешаться в этот опасный разговор, но тут открылись двери, и в комнату вошли мистер Левинджер, сэр Реджинальд и леди Грейвз. Генри воспользовался возможностью пожать руку мистеру Левинджеру, чтобы немного изучить его внешность – и тут же понял, что это желание взаимно.

Мистеру Левинджеру было лет шестьдесят, но выглядел он намного старше. То ли в результате несчастного случая, то ли из-за ревматизма он так сильно хромал на правую ногу, что принужден был всегда ходить с тростью. Седина еще лишь тронула его волосы, однако слабое здоровье иссушило и скрючило его тело.

– Я сделал вывод, что соображаете вы не очень быстро

При взгляде на него Генри вполне мог поверить, что лет двадцать пять назад это был один из самых красивых мужчин в округе. И сейчас темные и угрюмые глаза мистера Левинджера были полны живого огня; лоб был высок и чист, черты лица безупречны. Это был человек, на которого возраст, казалось, обрушился внезапно и преждевременно – человек, сгоревший еще в молодости и теперь оставшийся лишь обугленным остовом самого себя, хоть и с пылающим до сей поры огнем в сердце.

Мистер Левинджер приветствовал Генри несколькими безукоризненно вежливыми фразами, представлявшими разительный контраст с вульгарной речью мистера Милуорда. Затем он предложил руку леди Грейвз, поскольку в этот момент дворецкий объявил, что обед подан. Следуя за ними, рука об руку с мисс Левинджер, Генри обнаружил, что ему весьма интересно – необычное для него состояние – кем был и чем занимался этот человек в юности, до того, как объявился в Брэдмуте и устроил свою судьбу, женившись на дочери своего домохозяина.

– Ваш отец служил в армии? – спросил он у Эммы, пока они неторопливо шли по длинному коридору. – Простите меня за столь прямой вопрос, но у него выправка военного.

Внезапно Генри почувствовал, что его слова встревожили Эмму.

– Я... не знаю... не думаю. Я слышала, как он рассказывал о Крыме – так, словно сам участвовал в боях, но он никогда не рассказывал о своей юности.

Все вошли в столовую, после некоторой суматохи заняли свои места – и разговор на время прекратился...

Глава VI

Мистер Левинджер предполагает

За ужином Генри оказался между мистером Левинджером и его дочерью. Вполне естественно, что он попытался завязать с девушкой беседу, но быстро обнаружил, что из-за своей стеснительности, или по какой-то другой причине Эмма не имеет никакого желания вести разговор, довольствуясь лишь односложными ответами на вопросы Генри.

Несколько разочарованный, Генри решил обратить свое внимание на отца девушки, и вскоре выяснилось, что мистер Левинджер – самый интересный и блестящий собеседник, которого только можно вообразить. Он мог с легкостью говорить на любую тему, причем какого бы вопроса ни касался – всюду демонстрировал прекрасную осведомленность, что было особенно примечательно в человеке, последние два десятка лет ведущем жизнь отшельника. В какой-то момент разговор перешел к обсуждению археологии – по странному совпадению Генри искренне интересовался некоторыми ее разделами, в частности – кремневыми орудиями древних обитателей Восточной Англии. Оказалось, что мистер Левинджер является обладателем одной из лучших из существующих ныне коллекций – наряду с коллекциями уникальных золотых украшений и оружия древних бриттов, данов и саксов.

Тема оказалась настолько интересной для обоих собеседников, что еще до окончания обеда Генри получил и с благодарностью принял приглашение посетить Монкс Лодж и провести там пару дней, чтобы лично осмотреть древние сокровища – причем на этот раз приглашение делалось без всякой задней мысли.

В тишине, последовавшей по завершении этого приятного разговора, Генри расслышал, как мистер Милуорд старается разговорить мисс Левинджер.

– Мисс Грейвз говорила мне, что вы... эээ... живете в том прелестном старинном доме под... эээ... Брэдмутом... эээ... в этом приюте призраков...

– Да, мы живем там, если вы имеете в виду Монкс Лодж, – отвечала Эмма. – Это действительно старинная постройка, монахи укрывались там во время чумы, потом она была логовом контрабандистов, но вот о призраках я никогда ничего не слышала.

– О, умоляю, не лишайте меня иллюзий, мисс Левинджер! Я как-то проезжал мимо вашего дома вместе с вашими соседями, Марчемами, и вдовая леди Марчем – та, что носит очки – уверяла меня, что однажды видела призрак священника, который гнался за монахиней в сером... Или монахиня в сером гналась за священником, что кажется мне куда более вероятным. Я уверен, леди не могла ошибаться! Она никогда раньше не была замечена в увлечениях спиритизмом и всяким таким... разве только ее возраст...

– Леди Марчем, возможно, и видела призраков, но я – нет! – отвечала Эмма.

– О, я не сомневаюсь, что она видела – она всегда всё видит. Вы же знаете ее, разумеется? Добрая старая душа...

– Мы встречались с леди Марчем, но я ее не знаю.

– Не знаете леди Марчем?! – с подчеркнутым изумлением возопил мистер Милуорд. – Да это все равно, что плыть по Северному морю и не знать Северного моря! Леди Марчем в буквальном смысле слова окружает вас, как и Северное море! Я вас не понимаю, мисс Левинджер.

– Я хотела сказать, что не имела чести быть представленной леди Марчем, – смущенно откликнулась Эмма.

«Если этот парень не заткнется, я сам его заткну!» – подумал Генри, пребывая в тихой ярости.

– Вот как? Вы не повздорили с ней, нет? – продолжал безжалостно допытываться Милуорд. – Знаете, на вашем месте я бы не стал так рисковать, она очень опасный враг! Кроме того,

это же ужасно неловко – не быть представленной той, с кем видишься буквально в каждом доме по соседству...

Эмма в отчаянии оглянулась, и пока Генри задавался вопросом, как лучше вмешаться в разговор, не давая воли собственному темпераменту, который уже поднимал голову, мистер Левинджер вежливо извинился – и заговорил необыкновенно звучным и резким голосом:

– Возможно, вы позволите мне кое-что объяснить, мистер Милуорд? Я инвалид и отшельник. Дочь моя живет той же жизнью, что и я. Я не имел чести быть представленным ни леди Марчем, ни всем остальным достойным леди и джентльменам, о которых вы соизволили упоминать. Я понятно выразился?

– О, вполне!

– Я очень этому рад, мистер Милуорд, поскольку, исходя из того, что я слышал до сих пор, я сделал вывод, что соображаете вы не очень быстро.

В этот момент леди Грейвз с некоторой поспешностью поднялась и вышла из комнаты, за ней последовали мисс Левинджер и Эллен. Сэр Реджинальд завязал разговор с мистером Левинджером, предоставив мистера Милуорда в распоряжение Генри.

– Я сделал вывод, что соображаете вы не очень быстро

– Вы мне можете объяснить, что это с нашим другом? – тихо спросил мистер Милуорд. – Он, кажется, весьма обидчив, этот старик. Я и подумать не мог, что можно найти нечто оскорбительное в предположении, будто его дочь знакома с леди Марчем.

– Возможно, вы просто были излишне настойчивы? – сухо сказал Генри. – Я не очень хорошо знаком с мистером Левинджером, хотя мой отец знает его всю жизнь, но, насколько мне известно, он – богач, который по тем или иным причинам много лет ведет весьма уединенный образ жизни.

– О, Господи! Теперь я понял! – шепотом воскликнул Милуорд. – Это тот самый человек, который был страшно популярен в этих краях во времена молодости наших матерей! Потом он женился на дочке разбогатевшего трактирщика, или что-то такое... в общем, все соседи от него отвернулись. Конечно, я допустил жуткую бестактность, признаю. Мне ужасно жаль, на самом деле я никак не хотел ранить чувства его дочери.

– Я очень рад это слышать! – грубовато откликнулся Генри. – Не хотите ли выкурить по сигарете?

Остаток вечера прошел довольно тихо, даже – чересчур тихо, особенно для Эммы, которая после всех переживаний забила в угол гостиной, укрывшись за огромным фотоальбомом. Эллен, раздраженная сценой, оскорбившей ее чувства и разбудившей сословную гордость, довольно ядовито острела в адрес своего кавалера, а тот заметно трепетал при виде ее неудовольствия. Мистер Левинджер с некоторым удивлением отметил, что этот записной болтун, мистер Милуорд, явственно побаивается юной леди, за которой ухаживает...

Наконец, вечер подошел к концу. Мистер Милуорд удалился к себе домой, в Апкотт-Холл, находившийся по соседству с Рошемом, сообщив на прощание, что надеется увидеть всех завтра во время дневной службы в церкви; Генри тут же решил, что не пойдет в церковь ни за какие деньги.

Затем сэра Реджинальда и леди Грейвз отправились спать, за ними последовали Эллен и Эмма, но когда Генри объявил о своем намерении выкурить на сон грядущий трубочку в библиотеке, мистер Левинджер изъявил желание присоединиться к нему.

Сперва разговор зашел о мистере Милуорде – и Генри отозвался о нем без намека на симпатию.

– Вы не должны так строго судить его, – задумчиво сказал Левинджер в ответ. – Я повидал много таких людей... в свое время. В глубине души он неплохой парень – просто непомерно богат, да к тому же единственный ребенок, избалованный донельзя вниманием женщин. Ему нужно набить пару-другую шишек – и он выправится. С большинством из нас так и происходит. И если я не ошибаюсь – многозначительно добавил мистер Левинджер – в этом доме есть одна юная леди, которая отлично знает, как с ним управляться. Впрочем, возможно, вы считаете, что это не мое дело...

Генри был несколько озадачен намеком, хотя и догадывался, что речь идет об Эллен. Он понятия не имел, какие отношения существуют между его сестрой и Милуордом, а ему самому молодой джентльмен не понравился до такой степени, что он и не подумал о возможности существования этих самых отношений... Однако замечание мистера Левинджера дало ему возможность перевести разговор на самую большую тему – и Генри сделал это немедленно, со свойственной ему прямоотой и искренностью.

– Из всего, что я узнал, вернувшись домой, похоже, мистер Левинджер, что все наши дела в значительной степени зависят от вас, – тут он немного поколебался и решительно продолжил: – Я не знаю... хотите ли вы говорить об этом сейчас. Наверное, это не слишком вежливо и нарушает законы гостеприимства, хотя, если я правильно понимаю наше положение – это мы, скорее, пользуемся вашим гостеприимством, чем вы – нашим.

Мистер Левинджер слабо улыбнулся, услышав столь оригинальную трактовку ситуации.

– Разумеется, поговорим, капитан Грейвз! – отвечал он. – И давайте сразу покончим с этим. Я чрезвычайно рад, что вы вернулись домой, потому что, между нами говоря, брат ваш не был деловым человеком, и мне не хочется тревожить сэра Реджинальда разговорами о делах. Ведь я прав? Вы имеете в виду ипотеку на Рошем, которая принадлежит мне?

Генри кивнул, и мистер Левинджер продолжил:

– Я расскажу вам, как обстоят дела – очень коротко.

После этого он приступил к изложению финансовых деталей положения поместья, с которыми мы уже знакомы в общих чертах – и нам этого вполне достаточно.

Когда мистер Левинджер закончил, Генри сказал:

– Выходит, положение дел даже хуже, чем я думал. Ясно, что мы полные банкроты, и единственное, что меня в этой связи интересует, мистер Левинджер, – добавил Генри с некоторым раздражением, – так это то, как вы, деловой человек, позволили всему этому зайти так далеко!

– Разумеется, я рискую, капитан Грейвз! – отвечал Левинджер. – Это ведь я могу потерять деньги, а не ваша семья.

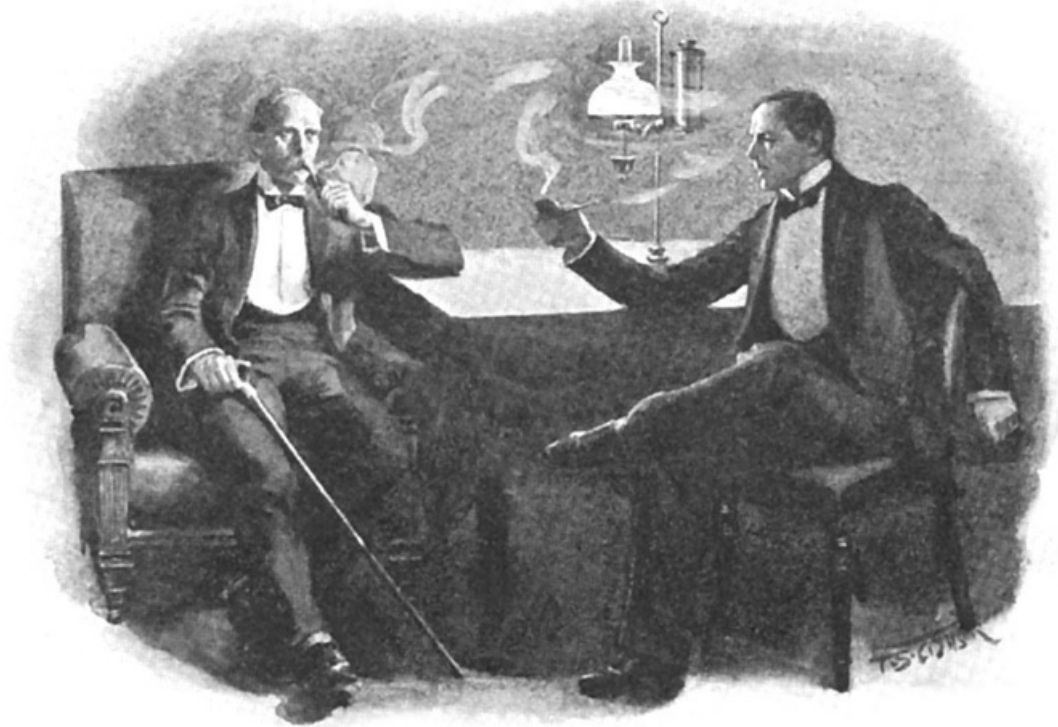
– Простите, но есть и другая сторона этого вопроса. Мне кажется, что мы не просто нищие – мы неплательщики, или что-то в этом роде. Ведь даже если мы завтра распродадим все до последней чашки, то все равно не сможем выплатить вам все деньги, не говоря уж о других возможных долгах. Честно говоря, мне трудно простить вам, что вы довели моего отца до такого положения, пусть даже он сам виноват не меньше и позволил вам сделать это.

– В ваших словах есть кое-что... вы говорите с точки зрения безупречно честного человека, хотя этот аргумент никогда не был для меня решающим, – сухо заметил Левинджер. – Тем не менее позвольте мне развеять отчасти ваши подозрения: последний заем в десять тысяч, который, без учета процентов, вполне окупил бы мои потери, если бы был выплачен, согласно договоренности, сегодня, был сделан даже без ведома вашего отца. Если вам угодно знать истинное положение дел – я дал его по настоятельной и отчаянной просьбе вашего брата Реджинальда, который и заявил, что эта сумма необходима для спасения семьи от немедленного банкротства. Мне больно говорить о том, что я узнал позже... это сам ваш брат нуждался в деньгах, и лишь ничтожная их часть попала в карман сэра Реджинальда.

Генри молча встал и, повернувшись спиной, сделал вид, что набивает трубку. Он не осмеливался говорить – ибо боялся произнести слова, которые нельзя адресовать умершим, а кроме того, не хотел показать стыд, написанный у него на лице.

Мистер Левинджер правильно расценил это телодвижение. Он не стал больше говорить о Реджинальде и продолжил:

– Вы, капитан Грейвз, обвиняете меня в том, что я действовал не так, как должен действовать деловой человек; в том, что я сбиваю с пути слабые натуры. Ну, в некотором роде я деловой человек – но я не ростовщик, и вполне возможно, что у меня были иные мотивы, чтобы поступить вопреки собственной выгоде. Давайте вообразим чисто гипотетически...

– Я расскажу вам, как обстоят дела

Предположим, что когда-то, много лет назад один молодой человек, обладатель благородного происхождения, привлекательной внешности и внушительного состояния, однако плохо образованный и не слишком обремененный принципами, оказался в рядах одного из самых привилегированных и дорогостоящих гвардейских полков.

Предположим, что этот молодой человек – как и многие молодые люди до и после него – вел экстравагантную жизнь, полную разгула и разврата, и очень скоро промотал все средства, которыми обладал. Со временем он просто не мог не начать играть – в попытках добыть достаточно денег. Иногда он выигрывал – но закончилось все тем, что его объявили злостным неплательщиком, ибо он был не в состоянии оплатить свои долги на скачках, а в карты задолжал столько, что и сказать страшно.

Все суровые слова, обращенные к этому молодому человеку, были справедливы. Офицеры, его сослуживцы, вероятно, называли его мошенником, памятуя его странные и лживые оправдания, а люди посторонние и вовсе называли его вором. Военная карьера этого воображаемого молодого человека была стремительно и позорно окончена, он был обесчещен, он был банкрот, изгой, его нельзя было считать джентльменом – и у него не оставалось иного пути, как только тот, который проделывает пуля, попав в голову. Вполне возможно – предположим, что так и было – этот молодой человек, находясь в совершенном отчаянии, лишенный чести, веры и религии, мог решиться на этот страшный шаг. Возможно, он уже почти совершил его – когда неожиданно нашел друга, хотя полагал, что все друзья отвернулись от него.

И вот последнее наше предположение: могло ли быть так, чтобы этот друг на глазах нашего молодого человека сжег бы все долговые расписки, а затем убедил бы его отказаться от безумного замысла самоубийства; что этот друг помог уладить дела или скрыться от других кредиторов; и, наконец, когда молодой человек, уже живущий под другим именем, был почти забыт теми, кто его когда-то знал, именно этот друг помог ему начать новую жизнь.

Скажите, капитан Грейвз – разве не чувствовал бы этот несчастный молодой человек себя в неоплатном долгу перед тем другом?

Мистер Левинджер начал свой рассказ «о странном случае» довольно тихим голосом, в своей обычной сдержанной манере, однако постепенно чувства овладели им – настолько, что даже несмотря на свою хромоту, он поднялся со стула и, опираясь на свою черную трость, стал расхаживать по комнате; голос его также изменился, зазвучал громко и ясно, выдавая истинные эмоции рассказчика. Достигнув кульминации рассказа и задавая последний свой вопрос, он остановился прямо напротив Генри, с силой оперся на трость и посмотрел тому прямо в лицо своими пронзительными темными глазами.

– Конечно, чувствовал бы! – тихо ответил Генри.

– Конечно, чувствовал бы, – эхом откликнулся мистер Левинджер. – Капитан Грейвз, я рассказал вам историю моей жизни, и тем другом, что спас меня, был ваш отец.

Он остановился прямо напротив Генри

Я не скажу, что это вся моя история целиком, ибо есть вещи, о которых я не могу и не стану говорить, но все же большая ее часть – и это более того, что известно любому из ныне живущих, исключая сэра Реджинальда. Простив мне мои долги и мои грехи, ваш отец увидел во мне добрую, светлую половину – и тем самым вытащил меня из смертоносного болота, позволив начать жизнь заново. Когда я появился в этих краях – никому не известный странник – он нашел мне занятие, он помог открыть агентство по недвижимости, которым я и занимался до тех пор, пока нужда в нем не отпала. Я рассказал вам все это отчасти потому, что вы – сын своего отца, отчасти же – потому что я следил за вами и вашей жизнью с самого детства и знаю, что вы – человек чести и самых строгих принципов, который никогда не использует мои слова против меня.

Повторюсь: я не рассказал вам всего, ибо даже начав новую жизнь, я не стал, тем не менее, святым. Человек, столько лет позволявший своим страстям управлять его жизнью, не может исправиться в один миг, капитан Грейвз. Однако я верю, что вы не станете думать обо мне хуже, чем я того заслуживаю – мне было бы больно утратить расположение хорошего и

честного человека. В конце концов, я выполнил то, что должен был – хотя для этого мне и пришлось позаимствовать средства моей дочери, а также превозмочь собственную скупость – я вернул все те деньги, что был когда-то должен, либо моим кредиторам, либо их наследникам; месяц назад я выполнил последнее и самое тяжкое обязательство. Теперь, капитан Грейвз, вы, вероятно, поймете, почему я давал высокие кредиты под залог недвижимости Рошема, чья цена гораздо ниже. Ваш отец давно забыл или, скорее, не думал о прошлом, считая, что у нас просто деловое соглашение. Вы же знаете теперь истинную причину.

– Благодарю вас! – сказал Генри. – Разумеется, я сохраню вашу тайну. Не мне судить поступки других людей, и я надеюсь, вы извините мою недавнюю несдержанность. Вы были необычайно щедры к моему отцу... но даже теперь я не могу считать, что это пошло ему во благо; во всяком случае, я уж точно не понимаю, как это может помочь нам в нынешнем нашем положении. Деньги принадлежат вам или вашей дочери... – тут Генри показалось, что мистер Левинджер едва заметно поморщился? – и так или иначе, долговые обязательства должны быть выполнены. Я вполне понимаю, что вы не хотите нашего банкротства, но ведь просрочены даже выплаты процентов, не говоря уж об основных взносах, а у нас нет ни пенни. Что же делать?

Мистер Левинджер сел и некоторое время думал, прежде чем ответить. Затем он заговорил.

– Вы затронули болезненное место. Деньги принадлежат Эмме, почти все, потому что все, что принадлежало мне, пошло на оплату моих собственных долгов и обязательств. Я не имею права быть щедрым за счет состояния моей дочери. Недавно я назначил ей опекуна и попечителя – солидного и уважаемого адвоката, чье имя не имеет значения, и он весьма озабочен как раз вопросом ипотеки или, по крайней мере, выплатой процентов по ней. Будь это мои собственные деньги, я бы ни за что не побеспокоил вашего отца, поскольку нам, по счастью, вполне хватает на скромную жизнь, к которой мы привыкли – но увы, это деньги Эммы...

– Именно так! – кивнул Генри. – И потому я снова спрашиваю вас – что нам делать?

– Делать? В данный момент – ничего. Пусть пройдет время, капитан Грейвз, лишние полгода вряд ли будут иметь большое значение. Если выхода не будет – что ж, дочь моя потеряет эти деньги; в конце концов, ни она, ни ее будущий муж не смогут обвинить меня в этой потере. Когда эта ипотека только начиналась, все было совсем иначе, кто же мог предвидеть, что земля так сильно упадет в цене? Пусть дела идут своим чередом, это странный мир, и в нем происходит много всего неожиданного. Откуда нам знать, быть может, через полгода Эмма будет мертва... или попадет в такие обстоятельства, что необходимость в выплате ипотеки отпадет сама собой...

Мистер Левинджер запнулся на мгновение, словно раздумывая, разумно ли говорить то, что явно вертелось у него на языке. Затем, передумав говорить, он поднялся, взял свечу, тепло простился с Генри и захромал к дверям.

После его ухода Генри набил еще одну трубку и погрузился в глубокие раздумья. Мистер Левинджер был для него загадкой: он привлекал и располагал к себе, он был интересен – и все же Генри не мог ему полностью доверять. Даже открывшись перед Генри, он все же не решился рассказать всю правду о себе. Так же обстояло дело и с его щедростью к сэру Реджинальду: да, он был щедр... но за счет средств своей дочери. Так же – со старыми долгами, он заплатил их, «одолжив» у Эммы.

Генри был по натуре прямолинеен: с его точки зрения, характер мистера Левинджера представлял собой любопытную смесь, и пока Генри не мог составить о нем безоговорочно положительного мнения.

От отца мысли Генри плавно перетекли к дочери. Странно, что она не произвела на него почти никакого впечатления во время прошлой встречи, полтора года назад. Либо она сильно изменилась... либо сам Генри научился лучше оценивать людей. Разумеется, теперь она произвела на него впечатление, о да! Было что-то поразительное в этой хрупкой девочке

с льняными волосами, чья внешность напоминала рождественскую розу. Казалось странным, что такое дитя могло родиться у матери из простонародья, какой была покойная миссис Левинджер. Эмма Левинджер была похожа на аристократку. Кроме того, ей вполне хватало и интеллекта, и достоинства – то, как она противостояла наглому и беспардонному мистеру Милуорду, вполне это доказывало.

И об этой девушке Эллен говорила, что она уже «наполовину влюблена» в него... Абсурд! Кроме того, Генри отталкивала мысль о финансовых затруднениях семьи, тесно связанных с Эммой Левинджер, и он противился собственным ощущениям.

Тем не менее, когда Генри Грейвз последовал примеру мистера Левинджера и отправился спать, тихий голос в его сердце шепнул, что вообще-то жертва во имя семьи могла быть куда более тяжкой...

Глава VII

Предложение и возражение

Назавтра, в воскресенье, в Рошем Холл было с незапамятных времен принято ходить всей семьей в церковь – впрочем, гости могли быть освобождены от этой повинности. Генри полагал, что мистер Левинджер и его дочь воспользуются свободой выбора и останутся дома. В них обоих явственно чувствовалось нечто необычное, и Генри, недолго думая, пришел к выводу, что они, скорее всего, агностики и, вероятнее всего, атеисты. Поэтому он был несколько удивлен, когда за завтраком услышал, как мистер Левинджер просит, чтобы его отвезли в церковь – расстояние было слишком велико, чтобы он мог пройти его пешком – а Эмма изъявляет намерение сопровождать его.

В результате Генри отправился в церковь один, поскольку сэр Реджинальд ехал вместе с гостями, а мать и сестра собирались прийти позже, к полудню. Придя в храм, он обнаружил, что мистер Левинджер, Эмма и отец уже заняли свои места, выбрал себе место на деревянной скамье, и служба началась. Это была самая обычная деревенская служба в обычной деревенской церкви, и цветистая проповедь склонного к красноречию священника рано или поздно заставляла отвлечься даже самый дисциплинированный ум. Генри изо всех сил старался сосредоточиться, поскольку чувство долга, характерное для него, требовало внимания даже к самому бездарному исполнению священных псалмов... однако вскоре мысли Генри унеслись довольно далеко. Нам нет нужды внимательно следить за их причудливыми путями, поскольку заканчивались они неизменно одним и тем же: размышлениями об отце и дочери Левинджерах и всех обстоятельствах, связанных с ними. Даже сейчас, под звуки хриплых и отчаянно фальшивых псалмов, под безостановочный бубнеж священника эти двое вызвали необычайный интерес. Отец следил за каждым стихом и каждой молитвой с почти фанатичной преданностью, и потому характер его открывался перед Генри с новой, неожиданной стороны. Какими бы ни были грехи юности мистера Левинджера, сейчас он являл собой истинно верующего и глубоко религиозного человека, поскольку Генри не сомневался в его искренности.

С Эммой все обстояло иначе. Ее поведение в церкви было исполнено серьезного и уважительного благочестия – того благочестия, которое явно было повседневной привычкой, поскольку Генри заметил, что Эмма знает все молитвы и большинство псалмов наизусть.

Как ни странно, единственным удачным моментом службы было чтение церковных текстов. Читал сэр Реджинальд Грейвз, чей прекрасный звучный голос и впечатляющая манера резко контрастировали с неразборчивым бормотанием священника. Второй отрывок был взят из, пожалуй, самого красивого библейского текста – пятнадцатой главы Первого послания к коринфянам, в котором Апостол излагает свое вдохновенное видение воскресения мертвых и блаженства тех, кто удостоился воскрешения. Генри, наблюдавший за лицом Эммы, увидел, как оно изменилось и засияло, пока она внимала этим бессмертным словам, словно одухотворенное светом живой веры. Действительно, при словах «когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою» яркий солнечный луч упал на бледное лицо девушки и зажег огонь в кротких глазах, добавив прелести ее облику; на краткий миг Генри показалось, что Эмма стала живым воплощением победы духа над смертной плотью.

Он смотрел на нее с удивлением и восхищением, поскольку ему самому всегда не доставало этой одухотворенности, и в этот момент понял, что эта женщина отличается от всех, кого он знал. Она была исполнена чистоты и нежности, почти неземных... И все же – это о ней сестра сказала, что она в него почти влюблена? Генри осознавал, что недостойн ее, он даже

улыбнулся смущенно при мысли об этом – и вместе с тем в голове тут же возникла мысль: а ведь он, кажется, влюблен в нее отнюдь не «наполовину»...

Солнечный луч померк, чтение закончилось, погас и огонь в глазах Эммы, но прекрасный ее образ навсегда запечатлелся в душе Генри Грейвза.

Во время ланча Эллен, сидевшая все это время молча и в глубокой задумчивости, внезапно встрепенулась и спросила Эмму, чем бы она хотела заняться днем. Эмма отвечала, что хотела бы прогуляться, если это будет удобно всем остальным.

– Тогда, Эдуард, я скажу вам...

– Это просто замечательно! – решительно заявила Эллен. – Мой брат может проводить вас до утеса – там открывается чудесный вид на море. А я схожу в церковь и пойду вам навстречу. Мы не разминемся, ведь там только одна дорога.

Генри уже собирался возразить, поскольку приказной тон Эллен всегда вызывал в нем дух противоречия, иногда даже неразумного; однако взглянув на мисс Левинджер, он заметил, что она, кажется, очень рада подобной перспективе... или его компании – он не знал точно – и потому промолчал.

– Это было бы прекрасно, – сказала Эмма, – если только прогулка не утомит капитана Грейвза.

– Вовсе нет! – откликнулся он. – Море никогда не утомляет меня. Я буду готов в три часа, если вас это устроит.

– Ты ужасающе галантен, Генри! – саркастически заметила Эллен. – На месте мисс Левинджер я бы отправилась на прогулку одна, а тебе предоставила созерцать океан в одиночестве.

– Уверяю, тебя, Эллен, что ничего плохого я в виду не имел. Нет ничего дурного в том, что кто-то любит море.

Леди Грейвз поспешно вмешалась в разговор, грозивший ссорой, и тактично увела его в сторону.

Около трех часов пополудни Генри застал Эмму ждущей его в коридоре, и они отправились на прогулку.

Пройдя через парк, они вышли на главную дорогу и некоторое время шли рядом молча. День был пасмурным, но не холодным. Ночью прошел дождь, и теперь все вокруг дышало наступившей весной и предвкушением скорого наступления лета. На каждом кусте распевали птицы, большая часть деревьев уже покрылась зеленью, папоротник разворачивал свои перистые побеги на песчаных склонах дороги, цветы терновника уже облетали, но боярышник только-только раскрывал свои бело-розовые бутоны. Весна, казалось, проникла в кровь Эммы, ибо бледные щеки ее окрасились таким же нежно-розовым цветом, а глаза засияли.

– Разве это не прекрасно? – обратилась она вдруг к своему спутнику.

– Да, пожалуй... еще бы солнца побольше, – немного неловко отвечал застигнутый врасплох Генри.

– О, солнце еще будет. В нашем климате нельзя ожидать сразу всего. Пока я вполне довольна весной.

– Да, вы правы. Она особенно хороша после долгой зимы.

Немного помолчав, Эмма тихо сказала:

– Для меня весна – это нечто большее. Я не могу точно сказать, что именно... да если бы и могла, вы бы меня вряд ли поняли.

– Так попробуйте? – неожиданно для себя заинтересовался Генри.

– Ну... для меня весна – это пророчество и обещание жизни. Понимаете... я думаю, что именно поэтому весну особенно любят старики, даже не осознавая этого. Весна означает жизнь, победу жизни над смертью, и они, возможно, при взгляде на природу учатся быть покорными своей судьбе...

– Да, об этом сегодня и в проповеди было сказано, – сказал Генри. – «Глупец! То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет».

– О, я знаю, что мысль эта не нова! – с некоторым смущением отвечала Эмма. – Кроме того, я плохо выражаю свои мысли. Но почему-то все эти древние истины всегда кажутся нам чем-то новым, если мы приходим к ним сами. Мы наталкиваемся на идею, которая была общей собственностью людей на протяжении тысячелетий – и думаем, что совершили великое открытие. Я полагаю, новых идей вообще нет на свете, и каждый из нас должен самостоятельно постигать старые. Должен сам трудиться ради собственного спасения, и я имею в виду – не только в духовном смысле. Никакие чужие мысли и чувства не помогут, будь они трижды истинны и древни, как мир. Когда они придут к нам, то будут свежи и чисты, как сама весна. Мать ведь не

любит своего ребенка меньше оттого только, что миллионы матерей уже любили своих детей раньше.

Генри и не думал спорить с ней. Идеи этой молодой девушки, пусть и не новые, были прекрасны – но он не любил и не умел участвовать в подобных метафизических спорах, хотя, подобно всем думающим и образованным людям, не раз раздумывал над этими вопросами.

– Вы очень религиозны, мисс Левинджер? – спросил он, наконец.

– Религиозна? Я? Что заставило вас так думать? Нет, хотя мне хотелось бы быть религиозной. У меня есть определенные убеждения, и я стараюсь им следовать, вот и все.

– Я наблюдал за вами в церкви и был уверен, что это так.

Девушка покраснела, а затем спросила:

– Почему вы об этом спросили? Вы ведь верующий человек, не так ли?

– Да, верующий и религиозный. Я думаю, вы найдете мало людей моей профессии, кто не верил бы в Бога – возможно, потому, что они постоянно имеют дело с таким природными силами и опасностями, что нуждаются в защите некоей высшей Силы. Кроме того, я пришел к выводу, что религия в той или иной форме необходима всем без исключения людям. Я никогда не знал человека, который был бы вполне счастлив, ни во что не веруя.

– Вера не всегда приносит счастье или дарует мир душе, – сказала Эмма. – Мой жизненный опыт невелик – я и не знаю почти ничего, кроме книг и тихой деревенской жизни – но я смотрю на моего отца. Не думаю, что можно быть более религиозным, чем он... и все же он определенно несчастлив, он не может смириться с идеей смерти – а для меня смерть, за исключением, быть может, ее физической стороны, вовсе не кажется такой уж ужасной.

– Я должен сказать, что отец ваш – весьма чувствительный человек, – отвечал Генри, – кроме того, вы и он росли в совершенно разных условиях. Каждый относится к жизни в соответствии со своим опытом и темпераментом.

– Да, он чувствителен... – Эмма смолкла, а затем, словно желая сменить тему, воскликнула: – Смотрите! Море! Как это прекрасно! Неужели вам было не жаль оставлять его, капитан Грейвз?

Теперь они свернули с основной дороги и шли по тропе, обычно используемой для подвоза песка и гальки с пляжа. Вскоре они достигли подножия мелового утеса. Прямо перед ними теперь лежала широкая полоса песчаного пляжа, отмечающего границу прилива, а дальше простирался бескрайний океан, ослепительно синий вдаль и испещренный белоснежными барашками волн у берега.

С утра было пасмурно, но пока Эмма говорила, солнечный свет все-таки пробился сквозь серые тучи и осветил море.

– Было ли мне жаль! – почти страстно выдохнул Генри, не отводя глаз от морского простора. – Да это разбило мне сердце – вот и все. Я любил свое дело, любил море – там был мой мир, моя жизнь. Там у меня было будущее... Теперь я никто, у меня нет никого и ничего, кроме...

Тут он смолк.

– Почему же вы оставили флот? – тихо спросила Эмма.

– По той же причине, по которой всем нам приходится делать не то, что мы хотим: это был мой долг. Брат мой умер, и семья пожелала, чтобы я вернулся, поэтому я вынужден был уйти со службы, вот и вся история.

– Я догадывалась, – еще тише сказала Эмма. – Мне очень жаль вас. Что ж, дальше идти некуда, надо возвращаться.

Генри кивнул, и они молча пошли домой – то ли потому, что тема для разговора была исчерпана, то ли потому, что каждый был погружен в свои мысли.

Можно припомнить, что мистер Милуорд сообщал о своем намерении посетить Рошемскую церковь во второй половине дня. Поскольку Эллен была отлично осведомлена о привычках мистера Милуорда – и посещение церквей в их список никогда не входило, – подобная решимость заставила ее крепко задуматься.

В течение года с лишним внимание, проявляемое мистером Милуордом к Эллен, было заметным – но не вполне определенным. Неужели теперь он готов пересечь черту, отделяющую простое внимание от ухаживания? Она полагала, что так и есть – иначе зачем ему брать на себя труд тащиться в церковь за несколько миль от дома, а потом еще и предлагать прогуляться после службы? Во всяком случае, если у мистера Милуорда были серьезные намерения, то сегодня он имел отличную возможность объявить о них; именно по этой причине Эллен и устроила прогулку Эммы со своим братом, потому что тогда ей было бы удобно предложить мистеру Милуорду отправиться им навстречу.

Эллен вовсе не обманывала себя. Она прекрасно видела все ошибки мистера Милуорда, его вульгарность, его бестактное поведение – и в целом, честно говоря, она его не любила. Но, с другой стороны, его восхищение льстило ее тщеславию, поскольку она пока преуспевала там, где множество женщин потерпели неудачу. Его богатство способно было удовлетворить ее стремление к роскоши и комфорту, и Эллен прекрасно понимала, что в статусе жены она сможет направлять слабую волю Милуорда в любом направлении, в котором пожелает. Более того, все его недостатки были явственно видны, он не имел никаких скрытых пороков, и у Эллен были все основания полагаться на собственные такт и ум, чтобы уравновесить впечатление от их пары и отвлечь внимание других от ошибок и дурных манер Милуорда.

Вскоре после ланча Эллен и леди Грейвз отправились в церковь – однако мистера Милуорда там не оказалось. Эллен встревожилась, но вскоре, к ее огромному облегчению, шум в задних рядах подсказал, что мистер Милуорд все-таки приехал. Эллен не оглядывалась – но хорошо знала Милуорда: никто другой, опоздавший на службу так сильно, не рискнул бы прерывать священника столь бесцеремонно.

Тем временем мистер Милуорд уселся на скамью позади нее, заняв то самое место, где утром сидел Генри. Здесь он принялся ронять молитвенник, подтягивать чулки, кашлять – то есть пытаться привлечь внимание Эллен любыми способами, но все это было напрасно: Эллен сидела совершенно прямо и головы не поворачивала. Однако сказать, что мистер Милуорд совсем не преуспел в привлечении внимания к своей персоне, было нельзя: леди Грейвз он довел едва ли не до безумия, поскольку она любила молиться в тишине.

– Дорогая моя! – шепнула она дочери на ухо по окончании службы. – Я бы очень хотела, чтобы ты убедила мистера Милуорда не беспокоить других прихожан, когда он приходит в церковь, не вертеться и вообще вести себя не столь вызывающе по отношению к Всевышнему!

Эту саркастическую тираду Эллен взяла на вооружение и неоднократно повторила ее мистеру Милуорду впоследствии.

В дверях церкви они встретились, и Эллен приветствовала Милуорда удивленным возгласом:

– Я полагала, что вы решили отказаться от идеи посетить службу, мистер Милуорд.

– О, нет, что вы! Я просто немного опоздал, вот и все. Разве вы не слышали, как я вошел?

– Нет! – сладким голосом пропела Эллен.

– Если Эллен не слышала, то все остальные, я уверена, слышали, мистер Милуорд! – сурово заметила леди Грейвз, а затем со вздохом кивнула и отправилась на могилу сына.

Эллен и Милуорд тем временем дошли до ворот церкви, и девушка уже свернула на тропинку, ведущую через парк к Холлу.

– А как же наша прогулка? – воскликнул Милуорд.

– О! Я и забыла. Хотите пройтись?

– Да я ради этого и приехал.

– Правда? Я думала, вы приехали на службу. Что ж, мой брат и мисс Левинджер отправились к Утесу, если хотите, можем пойти им навстречу... если не будет дождя.

– О, нет, дождя не будет! – бодро вскричал мистер Милуорд.

Через несколько минут они миновали парк и пошли той же дорогой, что до них – Генри и Эмма. Однако Эллен не рассуждала об аллегорической тайне весны, а Эдуард Милуорд не излагал свои взгляды относительно необходимости религии. Напротив, они шли в полном молчании, и Эллен даже начала опасаться, что встреча с Эммой и Генри произойдет раньше, чем ее спутник найдет в себе смелость сказать то, что явно – судя по его нервозности – собирался.

Однако мистер Милуорд все же нашел в себе душевные силы.

– Эллен! – хрипло произнес он.

– Прошу прощения? – с достоинством отозвалась юная леди.

– Я хотел сказать... мисс Грейвз. Я хотел поговорить с вами.

– Я вас слушаю, мистер Милуорд.

– Я хотел спросить вас... Вы выйдете за меня?

Судьбоносные слова прозвучали – и у Эллен потеплело на сердце от удовольствия. Она выиграла свою партию, но даже теперь нашла в себе силы сохранить привычный стиль общения со своим поклонником – напускная холодность всегда давала ей чувство превосходства.

– Это весьма неожиданно, мистер Милуорд! – сказала она спокойно, глядя на него своими строгими голубыми глазами.

Ее тон несколько напугал Милуорда, и он начал заикаться.

– Вы правда так думаете? О, вы так умны... я подумал... мне показалось, вы давно ожидали этого. Я уже два или три раза хотел... но все останавливал себя... в смысле, я не то хочу сказать... О, Эллен, вы выйдете за меня? Я знаю, что вы слишком хороши для меня, в определенном смысле – ну, вы умнее и все такое... но я действительно люблю вас, я очень... вы бы оказали мне большую честь и очень помогли бы мне, поскольку я хотел бы заседать в Парламенте... со временем... и вот... вот всё, что я хотел сказать!

Эллен быстро обдумала эту сбивчивую речь. Форма ее не слишком удовлетворила, однако содержание вполне устроило, более того, не оставляло желать лучшего. Решив так, Эллен позволила себе чуть больше теплоты в голосе.

– Что ж, мистер Милуорд, – сказала она гораздо мягче, глядя ему в глаза, – это очень лестно для меня, я весьма тронута. Уверяю вас, я и понятия не имела, что мой друг хочет стать – тут она слегка покраснела – моим мужем. Я полагаю, было бы разумно обдумать ваше предложение в течение некоторого времени – чтобы я смогла совершенно точно убедиться в искренности своих чувств прежде, чем позволю себе произнести слова клятвы, которая не может быть нарушена... ибо если уж я поклянусь...

Тут она умолкла окончательно, как бы под напором чувств.

– О, умоляю, не тратьте на это много времени! – воскликнул Эдуард. – Я прекрасно знаю, как это бывает: вы подумаете, а завтра скажете, что можете быть мне только сестрой или что-то в этом роде!

Эллен смерила его испытующим взглядом.

– Вы действительно осознаете, о чем меня просите? И подразумеваете именно то, о чем сказали?

– Господи, да разумеется, я же не идиот! Как вы думаете, что я имею в виду, если прошу вас выйти за меня замуж?

– Тогда, Эдуард, я скажу вам... да! Отныне и навеки – да. Я буду вашей женой.

– Ну, слава Богу! – отвечал Эдуард, вытирая вспотевший лоб носовым платком. – Почему же вы не ответили мне сразу, дорогая? Это избавило бы меня от переживаний.

Затем мистеру Милуорду пришло в голову, что он должен произвести обычные в таких случаях манипуляции – и он предпринял несколько довольно неуклюжих попыток обнять

Эллен. Однако мисс Грейвз была еще не готова обнимать и целовать мистера Милуорда. Она чувствовала, что для подобного проявления эмоций ей потребуется время.

– Нет-нет, не сейчас и не здесь, я слишком взволнована, – с этими словами она ловко уклонилась от губ мистера Милуорда и протянула ему для поцелуя руку.

– Тогда, Эдуард, я скажу вам...

Эдуарда несколько расстроила подобная замена, тем более что на Эллен были лайковые перчатки, к которым он и прижался своими горячими губами. Однако и к этой процедуре он подошел весьма пылко и не отрывался от рук Эллен, пока рядом не послышался какой-то посторонний звук.

Вся эта страстная сцена происходила на тропинке, ведущей от основной дороги к Утесу; к тому же именно в этом месте тропинка делала резкий поворот. Именно поэтому Генри и Эмма, возвращавшиеся с берега, стали невольными свидетелями происходящего. Эмма увидела Эллен и Эдуарда первой.

– Ой! – не удержалась она от восклицания.

– Какого... – в изумлении начал подоспевший Генри.

Эллен мгновенно оценила ситуацию. Она была довольно щекотливой и могла привести в замешательство даже столь выдержанную особу – но в то же время содержала в себе и немалую выгоду. Эллен торопливо шепнула жениху на ухо:

– Вы должны немедленно объясниться с моим братом!

– Да! Конечно! Сейчас. Грейвз... ээ... вы наверняка удивлены, что я целую руку Эллен, не так ли?

– Да, мистер Милуорд, я весьма удивлен.

– Ну, так и не удивляйтесь больше, потому что я скажу коротко: мы помолвлены.

– Простите, – довольно холодно отвечал Генри, – но я все еще удивлен.

Про себя он добавил: «Как Эллен могла пойти на это! Как она могла!»

Догадываясь об этом внутреннем монологе, его сестра бросила на Генри предостерегающий взгляд, но в этот момент Эмма начала довольно сбивчиво и смущенно поздравлять их. Затем все четверо отправились домой. Эллен, привыкшая быстро принимать решения, сочла необходимым сразу прояснить свою позицию и потому взяла брата под руку, предоставив Эмме и Эдуарду идти впереди – что они и сделали, к их большому и взаимному неудовольствию.

– Ты меня не поздравил, Генри, – сказала Эллен ровным голосом.

Эллен мгновенно оценила ситуацию

– Не поздравил? Господи! С чем тут поздравлять?

– Почему бы и нет? Никогда не слышала о мистере Милуорде ничего плохого. Характер у него безупречный, прошлое не запятнано никакими излишествами – а это уже больше, чем

можно ожидать от мужчины его положения. Он благородного происхождения и владеет значительными средствами.

– Весьма значительными, насколько я понимаю! – перебил ее Генри.

– Наконец, он испытывает ко мне искреннее чувство, как и я к нему, а кроме того, это было заветное желание нашего дорогого Реджинальда... Могу я спросить теперь – почему же ты меня не поздравляешь?

– Что ж, если хочешь знать – изволь. Я считаю, что он невыносим. Я не могу понять, как такая женщина, как ты, может выйти замуж за такого, как он, если только не ради... – тут Генри прикусил язык.

К этому моменту Эллен уже была сильно рассержена – и не без причины, следует признать.

– Видишь ли, дорогой Генри, – сказала она самым ядовитым своим тоном, – я совершенно уверена, что эпитет, которым ты соизволил наградить мистера Милуорда, в полной мере относится к тебе. Ты всегда был невыносим – буду столь же откровенна – и твой характер и манеры отнюдь не улучшились во время пребывания на флоте. Я хочу, чтобы ты понял раз и навсегда: я собираюсь выйти замуж за мистера Милуорда, я хочу этого, и если случайно или намеренно какое-либо твое действие или какие-либо слова приведут к тому, что этот брак рухнет, я никогда не прощу тебе этого. Ты должен понять, что это мое личное дело! Более того, зная все обстоятельства нашей семьи, ты не можешь не признать, что этот благоразумный и удачный во всех смыслах союз значительно их улучшит.

Генри взглянул на свою статную красавицу-сестру, чье лицо сейчас пылало холодным гневом, и подумал про себя: «Вообще-то мне даже жаль Милуорда – каковы бы ни были его недостатки, он, по крайней мере, искренен...»

Однако сестре он сказал:

– Я прошу прощения. Говоря по-нашему, по-морскому – я перебрал. Ты совершенно права, я – медведь, я и сам часто так думал, и характер мой, и без того неважный, стал еще хуже с тех пор, как я вернулся домой – все потому, что я был вынужден оставить дело всей своей жизни. Сделай на это скидку и прости меня, а я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы улучшить свой характер. Теперь, Эллен, я от души поздравляю тебя с помолвкой. Ты уже в том возрасте, когда можешь сама принимать решения, и, несомненно, знаешь, что делаешь. Надеюсь – ты будешь счастлива. Нет нужды говорить, что я, невзирая на все свое предубеждение, постараюсь стать другом мистеру Милуорду и не стану говорить ничего, что заставило бы его почувствовать себя нежеланным гостем в нашей семье.

Эллен выслушала его и улыбнулась: она снова победила. Тем не менее, хоть улыбка и играла на ее губах, в сердце закралась легкая грусть, которой Эллен не могла не почувствовать. Горькие, хотя и вежливые слова ее брата словно закрыли некую стальную дверцу в душе, разделив их навеки. За этой дверцей остались нежные воспоминания о детстве и невинных заблуждениях юности. Впереди Эллен ждали богатство, благополучие, роскошь, но ни крупинки любви – разве что любви к будущим детям, если ей суждено было их родить, избежав преждевременной смерти и других обстоятельств. Следует заметить, что от своего будущего мужа, так бесхитростно и страстно восхищавшегося ею, она не ждала любви даже в этот час, час ее помолвки – а если бы и ждала, то эта любовь не принесла бы ей удовлетворения. Эллен знала: покончив с любовью и прочими иллюзиями, она выбирает то, что для нее лучше и выгодней – в полном соответствии со своей жизненной философией...

Глава VIII

Две беседы

Вернувшись домой, Эллен сразу прошла в комнату матери, а Эдуард – в библиотеку, где ему сообщили, что сэр Реджинальд скоро придет. Леди Грейвз приняла известие о помолвке дочери равнодушно – со дня смерти ее сына, казалось, ничто больше не трогало ее сердца. Сэр Реджинальд повел себя более экспансивно. Когда Эдуард сообщил ему о помолвке, он схватил его за руку и горячо пожал – не то, чтобы он испытывал к молодому человеку особую привязанность, ибо тон и манеры мистера Милуорда не совпадали со старомодными представлениями сэра Реджинальда о том, как должен вести себя джентльмен, но зато он знал о богатстве жениха и радовался перспективе союза, способного укрепить шаткое положение их семьи.

Эдуард Милуорд немного побаивался сэра Реджинальда, чья величественная и немного высокомерная вежливость угнетала его, и это помогло старому лорду сохранить все свое достоинство. Более того, он даже намекнул, что Эллен может унаследовать доход, равный примерно десяти тысячам в год, а потом, решив ковать железо, пока горячо, с ловкостью перевел разговор на аренду поселений.

Эдуард упомянул довольно удовлетворительную сумму, но сэр Реджинальд, погруженный в радостные мысли, так долго мычал и тянул с ответом, что перепуганный будущий зять немедленно добавил к этой сумме условие, по которому в случае его смерти арендная плата за принадлежавшую ему недвижимость переходила к Эллен.

– Да-да, мой дорогой! – закивал сэр Реджинальд. – Это очень правильно... и очень щедро, я полагаю. Но, увы, я не деловой человек – будь я им, дела сейчас обстояли совсем иначе – у меня очень плохо с цифрами, поэтому, если вы не возражаете, может быть, нам записать все, что вы сейчас предложили? Я бы обдумал это на досуге, посоветовался с адвокатами... И не будете ли вы столь любезны найти Эллен? Я хотел бы поздравить ее.

– Так я пойду, поищу ее? – восторженно воскликнул Милуорд, питавший инстинктивное отвращение к перу и чернилам. – А записать мы можем позже.

– Нет-нет! – встревожился старый лорд. – Эти денежные вопросы так утомительны (чистая правда!), я хочу покончить с ними поскорее.

Эдуард покорился, а затем откланялся, испытывая смутные сомнения в том, что поступает правильно...

Выражение лица его адвоката, когда он изложил ему финансовые условия заключения брака с Эллен Грейвз, вполне подтвердило его сомнения.

– О, нет! – воскликнул добрый служитель закона. – Они должны сами разобраться со своими делами! Однако теперь ничего не поделаешь, ведь вы подписали документы и не можете отказаться от своих обещаний. Надеюсь, в следующий раз, когда вы захотите сделать предложение леди, у которой за душой ни гроша, вы для начала посоветуетесь со мной!

– Эти денежные вопросы так утомительны...

В тот вечер в холодной столовой Рошем Холл царило куда более праздничное настроение, чем несколько дней назад. Все пили шампанское, джентльмены произносили пространственные тосты – за исключением Генри, который ограничился тем, что пожелал жениху и невесте здоровья и счастья.

– Вот видите! – уловив момент, шепнул ему мистер Левинджер. – Я хорошо сделал, предложив вам быть терпеливее в отношении недостатков вашего будущего зятя. Я был недалек от истины, хотя в тот момент вы могли счесть это дерзостью.

Генри в ответ лишь молча пожал плечами.

После обеда леди Грейвз удалилась к себе, сэр Реджинальд и мистер Левинджер ушли в библиотеку, а Генри, некоторое время неприкаянно бродивший по гостиной, в углу которой ворковали жених с невестой, отправился в музыкальный салон. Здесь он случайно встретил Эмму.

Этим вечером она надела белое платье, ее тонкую шейку обвивала нитка жемчуга. Она сидела на скамейке в луче лунного света – другого освещения в салоне не было – и походила более на бесплотный дух, чем на живую девушку. Для Генри, не ожидавшего ее здесь увидеть, необычность облика Эммы была значительно усилена любопытным случайным контрастом: сразу за скамьей, на которой сидела девушка, находилась мраморная копия в натуральную

величину одной из самых красивых античных статуй. Над бледной и безмолвной девушкой высилась богиня любви Афродита, торжествующая в своей совершенной нагоде.

– Я прожил свою жизнь, Левинджер, я ее исчерпал...

Генри переводил взгляд с одной женщины на другую, размышляя, кто из них прекраснее. «Предположим, – думал он, – человеку нужно сделать выбор между ними... Что же он выберет? Что принесет ему счастье – дух или плоть? И что бы выбрал я сам? Эти двое должны объединиться, чтобы получилась идеальная женщина...»

Улыбаясь своим мыслям, он шагнул вперед, даже не догадываясь, что очень скоро выбор будет ему навязан...

– Надеюсь, я не потревожил вас, мисс Левинджер? Честно говоря, я сбежал – гостиную оккупировали жених с невестой.

Эмма вздрогнула сначала, но узнав Генри, успокоилась.

– Да, я тоже искала уединения, потому и ушла сюда. Полагаю, вы очень довольны, капитан Грейвз?

– Что по нраву остальным, нравится и мне, – довольно мрачно ответил он. – Не мне же предстоит вступить в брак с мистером Милуордом.

– Почему он вам не нравится?

– Я не говорил, что он мне не нравится. Я не сомневаюсь, что он достаточно хорош, просто он не из тех людей, с кем я привык общаться, вот и все.

– Полагаю, я не должна так говорить, но я тоже не в восторге от него. Не потому, что он был груб со мной вчера вечером, а потому, что он слишком бесцеремонен по натуре. Мне не нравятся бесцеремонность и грубость.

– Да? Жизнь и сама по себе достаточно груба, и мне кажется, некоторое количество бесцеремонности просто необходимо для гармонии в мире. В конце концов, в нем правит плоть, а не дух, – тут он снова посмотрел на мраморную Афродиту, а затем перевел взгляд на Эмму. – Мы рождены из плоти, мы сами плоть, и все наши чувства и инстинкты принадлежат плоти.

– Я не согласна с вами, – отвечала Эмма с некоторой теплотой в голосе. – Рождены мы от духа, реален лишь он, плоть – это случайность, случайная оболочка. Когда же мы позволяем ей владеть нами – начинаются все наши беды.

– Возможно, но для многих из нас это довольно... распространенная случайность, не находите? В любом случае, мир наш состоит из плоти, никуда от нее не деться. И даже самые изысканные и возвышенные натуры должны подчиняться ее законам – в большей или меньшей степени. Возможно, когда-нибудь это и изменится – тогда изменятся и наши желания и стремления – но не здесь и не сейчас. Все мое время, мисс Левинджер. Бесполезно пытаться убежать от жизни – так или иначе, она нас настигнет. Очень мало тех, кто способен бросить вызов своей природе.

Эмма не ответила, хотя на лице ее явно читалось сомнение. Какое-то время оба молчали.

– Отец сказал, вы навестите нас, – сказала она, наконец.

– Да, он был так любезен, что пригласил меня. Вы будете рады меня видеть?

– Конечно! – легкий румянец окрасил ее щеки. – Будет весьма удивительно видеть гостя в Монкс Лодж. Но я боюсь, вы найдете наш дом очень скучным: мы живем совсем одни, а прогулки в это время года довольно неинтересны – если только вы не любитель птиц. Вокруг дома гнездится множество диких птиц, и у меня довольно хорошая коллекция яиц.

– О, я не сомневаюсь, что мне будет интересно! Однако не пора ли нам вернуться к остальным? Должно быть, жених с невестой уже наговорились.

Не ответив, Эмма встала и направилась к дверям. Уже на пороге она внезапно обернулась, посмотрела Генри прямо в глаза и спросила:

– Вы действительно хотите приехать в Монкс Лодж, капитан Грейвз?

– Если вы этого хотите, – тихо ответил он.

– Я уже сказала, что буду рада.

После этого она повернулась и направилась в гостиную.

Тем временем в библиотеке состоялся другой разговор – его вели сэр Реджинальд и мистер Левинджер.

– Полагаю, вас нужно поздравить с этой помолвкой, Грейвз. Конечно, молодой человек не совершенен: у него есть недостатки, притом вполне очевидные. Однако ваша дочь знает, что делает – и насквозь видит своего избранника, так что в целом, учитывая нынешнее положение вещей, все складывается очень удачно.

– Не для меня, мой друг, не для меня! – грустно откликнулся сэр Реджинальд. – Кажется, у меня не осталось ни интересов, ни энергии... меня буквально ничего не волнует. Я прожил свою жизнь, Левинджер, я ее исчерпал и сейчас угасаю. Последний удар – смерть бедного Реджинальда – совершенно убил меня, да и зачем я не умер сразу! Единственным моим земным желанием остается обеспечить, если это еще возможно, благосостояние моей семьи. Во имя этой цели сегодня днем я опустил до того, чтобы буквально вытащить подачки из молодого Милуорда. Двадцать лет назад мне было бы стыдно так поступать – но возраст и нужда закалили меня. Кроме того, я знаю этого человека. Сегодня он горяч и страстен, через месяц остыл – и бабушка надвое сказала, будут ли они с Эллен счастливы в семейной жизни, а мне нечего ей оставить. Я должен быть уверен, что она в любом случае будет должным образом обеспечена. Кстати, говорили ли вы с Генри об этих кредитах?

– Да, в субботу вечером я обрисовал ему положение дел. Кажется, он сильно расстроился.

– Я совершенно не удивлен. Вы ведь были очень добры к нам, Левинджер. Будь на вашем месте кто-то другой, мы все уже очутились бы в работном доме. Но, честно сказать, я не вижу решения этого вопроса. Деньги не ваши – это наследство вашей дочери, по крайней мере, большая его часть – и вы не можете продолжать быть таким щедрым за счет чужих средств, а стоимость недвижимости падает с каждым днем. Наша старая дружба и ваша благодарность – это прекрасно. Возможно, вы и в самом деле должны быть благодарны мне, ведь я, без сомнения, вытащил вас из некоторых неприятностей в былые времена, когда вы еще были достойным...

– Не упоминайте этого имени, Грейвз! – Левинджер почти с яростью ударил тростью об пол. – Тот человек мертв, никогда не упоминайте его имени ни при мне, ни при ком-либо еще.

– Как пожелаете! – улыбнулся сэр Реджинальд. – Я только хотел еще раз повторить, что вы не можете продолжать быть благодарным за счет средств своей дочери, но если вы перестанете нам помогать, Рошем пойдет с молотка – и это после того, как поколения нашей семьи жили в нем! Я, конечно, умру раньше, чем это случится, но даже мысль об этом разбивает мне сердце.

С этими словами старик прикрыл лицо тонкой слабой рукой и застонал.

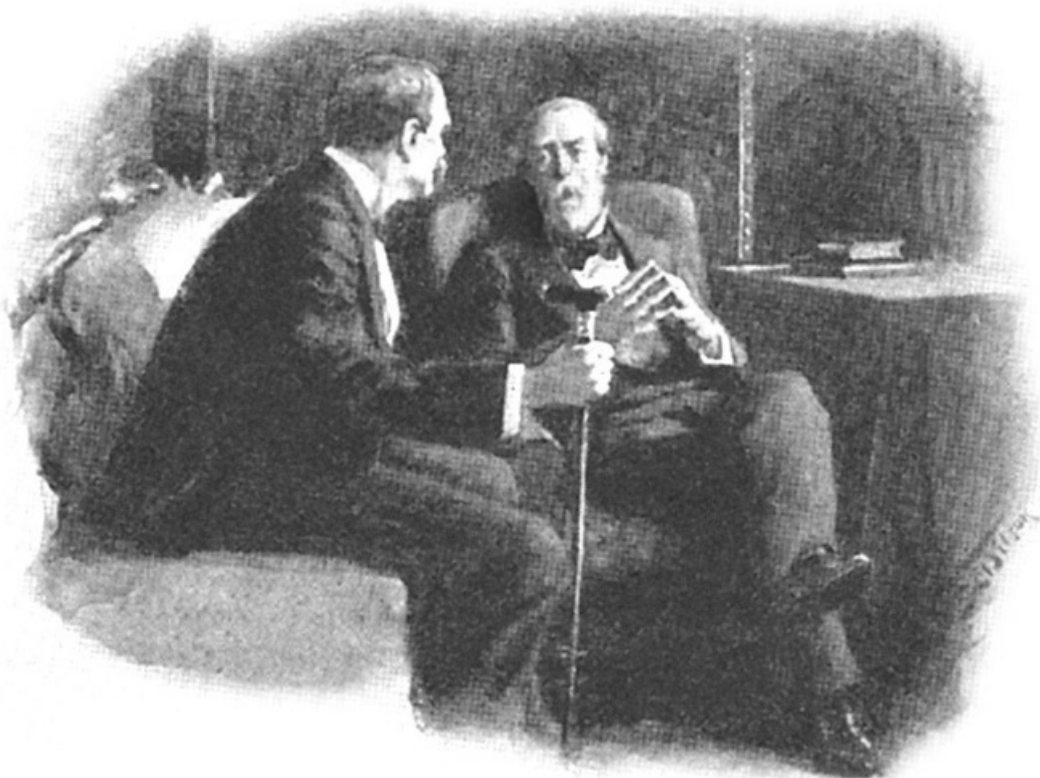
– Не отчаивайтесь, Грейвз! – мягко отвечал мистер Левинджер. – Я уже намекал вам, что есть возможный выход...

– Вы имеете в виду, что Генри мог бы полюбить вашу дочь, а она ответила бы ему взаимностью?

– Да, именно это, почему бы и нет? Что касается Эммы, то дело уже сделано, я в этом убежден. Она была сильно увлечена вашим сыном еще без малого два года назад и с тех пор часто заводила разговор о нем. У Эммы нет от меня секретов, и ее душа чиста, как хрусталь. Легко прочесть, что в ней происходит. Я не говорю, что она хочет выйти за него замуж, но она увлечена им, он ей нравится, ее восхищают его ум и характер – и это говорит в пользу ее разума, поскольку он действительно хороший парень, он куда лучше, чем считает любой из вас. Что до него, то почему бы ему и не жениться на ней? Верно, происхождение ее матери было довольно скромным – хоть она и была куда более утонченной женщиной, чем многие думали, – а я, ее отец, почти изгой, и заслуженно, но... Что из этого? Мать ее давно мертва, да и я, увы, уже слаб и стар, так что очень скоро о ее родителях можно будет забыть. В остальном – она

состоятельная наследница, она получит не менее 15 тысяч чистого дохода, не считая ипотеки и недвижимости. Она по-своему – на мой взгляд, по крайней мере – красива, и я не знаю более чистой и нежной, почти святой девушки. Если бы ваш сын женился на ней, то в течение года после свадьбы он научился бы поклоняться земле, по которой она ходит. Так почему бы этому браку не состояться?

– Я не знаю, друг мой, за исключением того, что жизнь переменчива, и даже самые очевидные и незыблемые истины могут потерпеть крах. Ваша дочь Эмма именно такова, как вы и говорите, хотя, возможно, в ней слишком много... неземного. Она кажется мне иногда похожей на бесплотный дух – но это потому, что я невольно сравниваю ее с девицами времен моей молодости, сейчас мода иная. Однако главное препятствие, которого я опасюсь сильнее всего – это сам Генри, мой сын! Он очень непростой человек, упрямый – и если он узнает, что этот брак может нас спасти, то может отказаться от него.

– Я прожил свою жизнь, Левинджер, я ее исчерпал...

– Ради него самого я надеюсь, что такого не случится, – отвечал мистер Левинджер несколько взволнованно. – Ибо скажу вам честно: я позволю вещам идти своим чередом. Эмма вступит во владение Рошемом либо в качестве леди Грейвз, либо – как мисс Левинджер, и вашему сыну придется выбирать, что он предпочтет.

– Да-да, все это я понимаю... Чего я не понимаю, Левинджер, это того, почему вы так отчаянно печетесь об этом браке? У Эммы могут быть куда более удачные избранники, чем мой Генри. Мы ведь старые друзья, и я должен сказать, что не сомневаюсь в вас, но... у вас есть какая-то тайная причина желать этого брака. Мне кажется – я знаю, вы простите меня за мое предположение, – что все ваши поступки и мысли имеют некое двойное дно. Вы никогда не были кем-то одним полностью, всегда присутствовала какая-то... оговорка. Когда вы казались совершенно дурным человеком – в вас сохранялась искра добра, теперь же, когда вы кажетесь едва ли не самым праведным в округе – в вас чувствуется какая-то тайна, что-то темное...

Мистер Левинджер улыбнулся и пожал плечами, несколько не обидевшись на эти слова. То, что он воздержался от возражений, показало, насколько близки были эти двое стариков, насколько давно и хорошо они знали друг друга.

– У большинства людей есть куда больше причин желать чего-то, нежели те, о которых они заявляют открыто, Грейвз. Однако я понимаю, почему вы ищете мои скрытые мотивы – их так много, что они едва ли не очевидны. У меня в этом мире всего один друг – естественно, я хотел бы, чтобы моя дочь вышла за вашего сына, и по той же причине я желаю, чтобы ваша семья, в течение сотен лет жившая на этой земле, была спасена от разорения. Кроме того, Генри мне понравился более любого молодого человека, которого я встречал за долгие годы, и я знаю, что его Эмма полюбит и будет с ним счастлива – но выйди она замуж за кого-то другого, с ее непростым характером она может быть очень несчастна. Кроме того, этот выбор действительно был бы очень хорош. Ваш сын не разбогател – но зато преуспел в своей профессии, он наследник древнего имени и станет баронетом. Как вы знаете, моя карьера была полностью разрушена. Вероятнее всего, моя родная дочь никогда не узнает, кто я на самом деле, и то, что она внучка трактирщика из Брэдмута, всем только на руку. Я больше всего хочу полного забвения, и оно будет достигнуто, благодаря этому выгодному со всех сторон браку. Мною нужно пренебречь – и начать жизнь заново; Эмма должна занять такое положение, чтобы высоко и гордо держать голову, как и любая из окрестных дам, и я не думаю, что подобное желание можно назвать моими непомерными амбициями или чем-то неестественным. Да пусть это просто – мое заветное желание, и я хочу дожить до того часа, когда оно исполнится. Я назвал вам достаточно причин?

– Более чем, и все они вполне удовлетворительны. Но я все же думаю, что вы что-то скрываете. Что ж, это ваше дело, я же со своей стороны буду только рад, если ваше желание осуществится. Это был бы хороший брак, а недостатки можно найти во всем, это не беда. Ваша дочь – милая девушка, Левинджер, и очень хорошенькая, несмотря на то, что ее дедом был старый Уилл Джонсон. Теперь мне нужно идти – следует подбодрить моего будущего зятя.

Поднявшись с некоторым усилием, сэр Реджинальд вышел из библиотеки. Мистер Левинджер глядел ему вслед своими пронзительными темными глазами.

«Грейвз сдает, но он все еще проницателен, – думал он. – Как обычно, он затронул самое болезненное место. Интересно, что бы он сделал, если бы знал последнюю и главную причину, по которой я хочу, чтобы Эмма вышла замуж за его сына? Пожал бы плечами и промолчал, полагаю. У нищих нет выбора, банкротам не приходится быть особенно разборчивыми. Бедный старый друг! Мне искренне жаль его. Что ж, последние свои дни он проведет в мире, если у меня все получится – вернее, если Генри не выставит себя упрямым дураком, на что он, кажется, вполне способен...»

На следующее утро мистер Левинджер с дочерью отбыли к себе в Монкс Лодж, договорившись на прощанье, что Генри посетит их три недели спустя, 10 июня, поскольку эта дата устраивала все заинтересованные стороны.

Во вторник Генри уехал в Лондон на неделю, чтобы выхлопотать небольшую пенсию, на которую он имел право, и решить некоторые другие вопросы. Эта поездка не улучшила его настроения, поскольку во время визита в Адмиралтейство он впервые узнал, на каком хорошем счету он был, и какие надежды возлагались на его карьеру.

– Жаль, что вы решили оставить флот, капитан Грейвз, очень жаль! – сказал ему один из высших чинов. – Я всегда полагал, что однажды увижу вас адмиралом, если доживу до этого дня. У меня сохранилось несколько отличных отзывов напротив вашего имени. Однако теперь уж поздно говорить об этом, и я даже замечу, что в качестве баронета с приличным состоянием вам будет жить куда лучше, нежели болтаться по морям в железной посудине, ежедневно рискуя быть застреленным или утопленным. Впрочем, вы слишком хороши, чтобы

вычеркивать вас из списков: вы должны баллотироваться в парламент и попытаться оказать флоту содействие в новом качестве.

– Клянусь вам, сэр, – с жаром отвечал Генри, – я предпочел бы быть капитаном канонерки, нежели баронетом с 20 тысячами дохода, хотя на последнее у меня все равно нет ни малейшего шанса. Однако мы не всегда вольны в своих желаниях – такова жизнь. До свидания!

Резко повернувшись на каблуках, он покинул кабинет, а высший чин с сожалением посмотрел ему вслед.

«Интересно, почему он уволился? Этот молодой человек был отличным моряком и действительно мог бы достичь высот. Семейные дела, я полагаю. Ну, с этим ничего не поделаешь – а на его место найдутся другие».

Генри вернулся в Рошем в подавленном настроении, и домашние дела не способствовали его улучшению. Помимо сожалений об оставлении военно-морского флота, на него навалились очередные финансовые проблемы, достигшие острой стадии, поскольку денег не хватало даже на повседневное содержание дома. Угнетало Генри и горестное выражение лица его матери, которая постоянно оплакивала покойного брата, переживала насчет грядущего банкротства семьи, а также беспокоилась за пошатнувшееся здоровье отца.

Кроме того – хотя здесь Генри знал, что он не совсем прав, – чрезвычайно раздражало его постоянное присутствие Эдуарда Милурда, раздражало до такой степени, что он уже не мог его скрывать. Напрасно он пытался полюбить этого молодого человека или хотя бы сделать вид, что он ему приятен – все его усилия потерпели неудачу, и Генри чувствовал, что Эллен, отношения с которой остались хорошими, но перестали быть сердечными, возмущена его поведением. Со своей стороны, он возмущался не меньше – тем, как Эллен под разными предлогами, при помощи отговорок, полуправды и откровенной лжи скрывает от жениха истинное состояние дел в Рошеме.

– Жаль, что вы решили оставить флот, капитан Грейвз

Эти уловки ранили гордость Генри, делая жизнь невыносимой, и Эллен прекрасно об этом знала – но не собиралась отказываться от своей линии поведения, ибо хорошо знала и вульгарную природу своего избранника, а потому боялась – возможно, и не без причины – что он, узнав правду о том, как катастрофично их положение, разорвет помолвку, чтобы не связываться с обанкротившейся и обесчещенной семьей.

В этих переживаниях тянулось время, пока, наконец, не настал тот день, когда Генри должен был отправиться с визитом в Монкс Лодж. Он уже получил записку от Эммы Левинджер, написанную от имени ее отца, в которой ему напоминали о его обещании. Записка была написана нежной рукой в самых изысканных выражениях, и Генри ответил на нее, сообщив, что отправит свой багаж экипажем, а сам поедет верхом и будет в Монкс Лодж к обеду.

Честно говоря, Генри не слишком много думал об Эмме в течение прошедших дней, а если и думал, то лишь как о части неприятной проблемы, нависшей над их семьей. У него не было времени, чтобы позволить своему разуму вспомнить очарование этой милой девушки, и сейчас он был совершенно не в настроении рассматривать этот визит с романтической точки зрения. Несмотря на это, Генри был рад возможности сбежать хоть на время из Рошема, и потому с радостью готовился к визиту.

Они с Эллен больше не разговаривали об Эмме. Их примирение, вернее, перемирие предполагало, что ни один из них не станет вмешиваться в личные дела другого. Однако отец все же сказал ему несколько слов, когда Генри зашел с ним попрощаться. Сэр Реджинальд чувствовал слабость и оставался в постели до обеда.

– До свидания, мой мальчик. Значит, едешь в Монкс Лодж? Что ж, это будет приятная поездка, ты немного развеешься. Старый Левинджер – странная птица, и ему не стоит доверять до конца... в некоторых отношениях, по крайней мере. Но я знаю его много лет, и в нем много хорошего, а дочь его, на мой взгляд, совершенно очаровательна. Ах, Генри! Мне бы так хотелось, чтобы ты полюбил эту девушку. Больше я не произнесу ни слова, но ты знаешь, что я имею в виду.

– Я знаю, отец! – отвечал Генри. – Знаю и сделаю все возможное, чтобы вы остались довольны. Но какой бы очаровательной она ни была, меня тяготит эта необходимость.

С этими словами Генри Грейвз покинул отчий дом и направил своего коня к руинам аббатства Рамборо...

Глава IX

Обоюдное восхищение

Не стоит удивляться тому, что Генри и Джоанна так долго пролежали среди древних могил аббатства Рамборо, поскольку почтенный отрок Вилли Худ практиковал особый метод верховой езды, настолько перепугавший доселе смиренного жеребца, что он впервые в жизни закусил удила и понес. Целую милю он скакал перпендикулярно тропе, а Вилли Худ цеплялся за его гриву и вопил во весь голос «Но-о-о!»; яйца морских птиц, которыми были заполнены карманы мальчика, разбились, превратившись в клейкую отвратительную массу, потоками стекавшую по бокам коня.

– Больше я не произнесу ни слова, но ты знаешь, что я имею в виду

Однако скачке неожиданно настал конец. Жеребец уткнулся в забор и встал как вкопанный, а Вилли перелетел через его голову прямо в кусты ежевики. К тому времени, когда он выбрался из них – почти невредимый, но изрядно перепуганный и испачканный кровью из множества мелких царапин, – конь смиренно стоял ярдах в пятистах от него, фыркал и возмущенно оглядывался. Вилли был юношей решительным и потому принялся ловить его.

В детали преследования мы вдаваться не будем; достаточно сказать, что солнце успело сесть прежде, чем Вилли преуспел. Снова сесть в седло он не мог, поскольку оно сбилось набок, а одно стремя потерялось – да и не стал бы это делать ни за какие коврижки. Поэтому Вилли принял решение идти в Брэдмут пешком – и прибыл в город около десяти часов вечера, ведя пленное животное в поводу.

Вилли Худ, даже усталый и потрясенный пережитым, был человеком слова и потому направился прямо к резиденции доктора Чайлдса – вместе с конем. Позвонив в звонок, он объявил возникшей на пороге служанке:

– Мне нужен доктор, пожалуйста, мисс, спасибо!

– О, Господи! – отвечала служанка, рассматривая его окровавленную физиономию. – Не сомневаюсь в этом!

– Не для себя, глупая вы женщина! – степенно отвечал Вилли. – Попросите доктора выйти, потому что я не доверяю этой лошади: однажды она уже сбежала, и я не хочу снова ее ловить.

Девушка рассмеялась и отправилась за доктором; вскоре доктор Чайлдс, мужчина средних лет со спокойными манерами вышел на крыльцо и спросил, в чем дело.

– Сэр, пожалуйста! Там джентльмен упал с башни в Рамборо и сломал ногу, а Джоанна Хейст – она с этим джентльменом – тоже вся в крови, но я не знаю, что сломала она! Мне велено попросить вас пойти туда и взять с собой дверь, чтобы привязать к ней джентльмена.

– Когда он упал и как его зовут, мой мальчик? – терпеливо спросил доктор.

– Я не знаю, когда он упал, сэр, но Джоанну Хейст я видал около шести. С тех пор я добирался сюда на этой лошади, будь она неладна, потому что помощи от нее никакой и толку тоже. Я бы предпочел тачку с кирпичами катить, а не тащить это животное за собой. О! Имя! Она сказала, что это капитан Грейвз из Рошема, и я должен сказать это ее тетке!

– Капитан Грейвз из Рошема! – пробормотал доктор Чайлдс. – Да ведь я слышал сегодня, как мистер Левинджер говорил, будто ждет его в гости!

Доктор ушел в дом и через десять минут уже катил в Рамборо на двуколке, а за ним следовали несколько человек с носилками.

Добравшись до аббатства, доктор остановил свой экипаж, встал и огляделся, но, несмотря на яркое сияние луны, никого не увидел. Он начал звать мисс Хейст и капитана Грейвза – и вскоре услышал слабый голос, отвечавший ему.

– Мне нужен доктор

Спрыгнув с двуколки, доктор пошел на голос и вскоре добрался до подножия башни. Здесь, под тенью зловещей гребницы с шипами на крышке он обнаружил молодую женщину

– Джоанну Хейст, чье белое платье было залито кровью, и которая, по всей видимости, только что очнулась от обморока. Слабым – очень слабым – голосом она объяснила, что произошло, и доктор принялся за работу.

– Плохой перелом! – произнес он через некоторое время. – Повезло, что бедняга без сознания.

За четверть часа он сделал все, что можно было сделать на месте; к этому времени прибыли и его спутники. Они очень осторожно подняли Генри Грейвза, который все еще был без сознания, положили его на носилки и отправились в долгий путь до Брэдмута. Доктор Чайлдс шел рядом с ними, а Джоанна была посажена в двуколку и отправлена вперед, в гостиницу «Корона и Митра» – удостовериться, что там все готово к приему раненого. Это была единственная гостиница в Брэдмуте, а доктор не имел возможности забрать больного к себе.

Наконец, они добрались, и Генри, только-только начинавший приходить в себя, был перенесен в комнату Джоанны на первом этаже – старинную, большую, обшитую дубовыми панелями. Когда-то эта комната служила монахам залом суда, поскольку здесь они проводили свои ассизы, в соответствии с королевским указом осуществляя правосудие в Брэдмуте – собственно, поэтому гостиница и получила свое название.

Здесь доктор и его помощник принялись вправлять сломанную ногу Генри, а тетка Джоанны, миссис Джиллингуотер, дородная и энергичная женщина средних лет, помогала им. Наконец, все необходимое было сделано, и измученный Генри уснул под воздействием сильного снотворного. Доктор Чайлдс с мрачным удовлетворением осматривал своего спящего пациента – поскольку действительно хорошо справился с нелегкой задачей, когда миссис Джиллингуотер сказала:

– А теперь, сэр, уделите нам минуту или две, чтобы осмотреть Джоанну – у нее довольно мерзкая рана в плече, и она ведет себя как-то странно.

Коротким коридором она провела доктора в маленькую комнатку, когда-то бывшую кельей, а теперь служившую миссис Джиллингуотер в качестве запасной комнаты для ее мужа – сюда мистера Джиллингуотера помещали, когда он был слишком пьян, чтобы добраться до семейного ложа.

Джоанна лежала на кровати в полубоморочном состоянии, а рядом с ней топтался мистер Джиллингуотер, сжимая в руках зажженную свечу. Это был высокий тощий мужчина с довольно тонкими чертами лица и безвольным ртом; было очевидно, что он успел воспользоваться суматохой и основательно приложиться к бутылке с джином.

– Бедняжка! Бедняжка! Не ужасно ли видеть ее мертвой! – причитал мистер Джиллингуотер, не замечая, что горячий воск капает прямо на Джоанну. – И как же она похожа на настоящую леди! Бедняжка!

Они положили его на носилки и отправились в долгий путь до Брэдмута

Чувства переполнили его, и он зарыдал.

– Убирайся отсюда, пьянчуга! – рявкнула его супруга, отбирая свечу. – Ты спалить нас хочешь?

С этими словами она столь энергично вытолкала мистера Джиллингуотера из комнаты, что он не удержался на ногах и растянулся посреди коридора. Затем миссис Джиллингуотер повернулась к доктору и сказала:

– Прощения просим, сэр. Когда он пьяный, с ним только так и можно управиться. Доктор улыбнулся в ответ и принялся осматривать плечо Джоанны.

– Что ж, ничего серьезного, – сказал он, промывая рану. – Разве только ржавчина могла попасть – тогда будет дольше заживать. Мисс Джоанне повезло – будь рана чуть ниже, могли пострадать легкие. Но теперь я обработал ее антисептиком, и к утру, полагаю, все будет в порядке – если, конечно, девушка не простудилась в мокрой траве.

– Как же с ней такое случилось, доктор?

– Насколько я понял, капитан Грейвз залез на башню в Рамборо, чтобы достать галчат из гнезда. Он упал, а ваша племянница попыталась смягчить его падение, но, разумеется, была отброшена и сильно ушиблась.

– Она всегда была хорошей девочкой, наша Джоанна! – сказала миссис Джиллингуотер с некоторой сдержанной гордостью. – Что ж, коли все кончится хорошо, то можно сказать, что она нам же и выгоду принесла, как раз тогда, когда мы в затруднении. Капитан ведь пролежит несколько недель, не так ли?

– Довольно долго, миссис Джиллингуотер, даже если все пойдет хорошо.

– Он что же, в опасности?

– Для взрослого человека в таких случаях всегда существует опасность. Возможно, он потеряет ногу, а это весьма серьезное увечье.

– Ой, Боже! И все из-за каких-то галчат! Вам придется объясниться, мисс, уж будьте любезны! – бурчала миссис Джиллингуотер, провожая доктора. – Она невезучая, наша Джоанна, доктор, несмотря на ее внешность. Вечно создает проблемы, как и ее мать: думаю, это у нее в крови.

Оставив в гостинице своего помощника, доктор Чайлдс вернулся домой, поскольку ночью ему нужно было еще к одному пациенту. Утром он написал две записки: одну сэру Реджинальду Грейвзу, другую – мистеру Левинджеру (оба были его пациентами), постаравшись как можно более тактично разъяснить, что произошло. Отправив записки с посыльным, доктор поспешил в «Корону и Митру».

Доктор принялся осматривать плечо

Как он и ожидал, Джоанна вполне оправилась к утру: она не простудилась, рана выглядела чистой, а энергия молодого организма позволила девушке почти полностью прийти в себя. Генри, судя по всему, тоже чувствовал себя намного лучше, однако доктор счел целесообразным пока держать его под воздействием опиатов, чтобы заглушить боль.

– Я полагаю, ему понадобится квалифицированная сиделка. Если телеграфировать в Лондон, к вечеру она сможет приехать.

Миссис Джиллингуотер покачала головой.

– Дело в том, доктор, что ей негде будет спать. Тут больше нет ни свободной комнаты, ни даже угла, если только Джоанна уступит ей маленькую комнатку – но тогда некуда будет деваться ей самой. Не можем ли справиться мы с Джоанной? Мне уж приходилось иметь дело с больными и потяжелее, а они говорили, что у меня ловко все получается. Да и навеки я закрыла много глаз, всякое бывало... Это я не к тому, доктор, что ваши услуги нам не нужны – вы-то с мистером Солтером можете приходить в любое время, как вам вздумается.

– Что ж, – после некоторого размышления сказал доктор Чайлдс, – пока оставим вопрос с сиделкой и посмотрим, как пойдут дела.

Он знал, что миссис Джиллингуотер была весьма способной и находчивой женщиной, к тому же сильной и неутомимой – он не раз имел с ней дело при родах, когда она выступала в роли повитухи, и знал, что она пользовалась среди местного населения почти незыблемым авторитетом.

Около полудня доктору сообщили, что леди Грейвз и мистер Левинджер ожидают в гостинице и будут рады увидеть его. Доктор Чайлдс нашел их в маленьком баре; Эмма Левинджер тоже была здесь и выглядела еще бледнее и бесплотнее, чем обычно.

– О, доктор! – воскликнула леди Грейвз. – Как мой бедный сын, что с ним? Миссис Джиллингуотер говорит, что я его не увижу, пока вы не разрешите. Я была в постели – не очень хорошо себя чувствовала, – когда получила вашу записку. Эллен уехала в Апкотт, а сэр Реджинальд, разумеется, не в силах выдержать такую дальнюю дорогу. Я сразу же поднялась и отправилась сюда.

Она замолчала, с тревогой глядя на доктора. Он покачал головой.

– Конечно, вам не стоило приезжать, леди Грейвз! Вы и впрямь не очень хорошо выглядите. Я надеялся, что приедет ваша дочь. Что ж, вы все равно уже здесь... Итак, у капитана Грейвза довольно неприятный двойной перелом. К несчастью, после получения травмы он довольно долго пролежал на голой земле, но сейчас, кажется, ему стало немного лучше. Вот пока и все, что я могу сказать.

– Как это случилось? – подал голос мистер Левинджер.

– Джоанна Хейст расскажет об этом лучше, чем я, – отвечал доктор. – Она уже встала, я видел ее в коридоре. Сейчас я позвоню.

При упоминании имени Джоанны лицо мистера Левинджера на короткое мгновение дрогнуло – и даже эта мимолетная судорога не укрылась от глаз наблюдательного от природы доктора. Казалось, мистер Левинджер не хотел, чтобы Джоанна пришла – но леди Грейвз тихо прошептала: «Да, прошу вас... обязательно!» – и он передумал, не сказав более ни слова. Доктор Чайлдс открыл дверь и позвал Джоанну; вскоре она уже стояла перед собравшимися.

Ее лицо было очень бледным, нижняя губа разбита, а правую руку на перевязи девушка бережно прижимала к груди; однако именно бледность и тревога в темных глазах придали ее облику еще большую прелесть и даже некоторую утонченность. Джоанна поклонилась мистеру Левинджеру, который кивнул в знак приветствия, затем коротко поздоровалась с леди Грейвз и уже собиралась заговорить – но тут ее взгляд упал на Эмму Левинджер. Взгляды девушек встретились, и Джоанна продолжала молчать...

Они встречались и раньше, а в детстве даже разговаривали друг с другом, но с тех пор ни разу не сталкивались лицом к лицу – и теперь казалось, что каждая из них была очарована видом другой. Джоанна вспомнила, что капитан Грейвз прошлой ночью в бреду говорил об Эмме Левинджер – и это почему-то сделало Эмму еще более интересной и загадочной в глазах Джоанны. Почему мысли Генри обратились к этой девушке, как только он впал в беспамятство? Был ли он влюблен в Эмму Левинджер или помолвлен с ней? Вполне возможно – ведь он ехал в Монкс Лодж, а там сроду не принимали гостей.

Джоанна почти утвердилась в этой мысли, но тут вспомнила, что там, на церковном дворе, Генри Грейвз говорил и о ней тоже – причем такими словами, которые явно подразумевали некое чувство, похожее на привязанность или даже близость между ними. Вспоминать об этом было приятно – и, тем не менее, Джоанна подумала, что было бы замечательно, если бы Генри действительно был влюблен в мисс Левинджер. У нее такое милое и одухотворенное лицо, а в чудесные серые глаза просто обязан влюбиться любой мужчина!

Но если Джоанна была впечатлена обликом Эммы, то Эмма была не менее потрясена обликом Джоанны. Когда их взгляды впервые встретились, у Эммы в голове промелькнула мысль, что никогда раньше она не видела и не могла представить такого физически совершенного образца женственности. Она могла сколь угодно долго разводить теории о духе и плоти, описывать красоту как некую случайность – а значит, качество, не стоящее особого уважения, – но была слишком честна, чтобы не признать тот факт, что эта девушка, Джоанна, была совершенно восхитительна. Кроме того, храбрость и самоотверженность этой девушки спасли капитана Грейвза от верной смерти. Глядя на нее, Эмма почувствовала укол зависти, сравнив

свои черты и формы с женственным обликом Джоанны. Однако это не было завистью в полной мере – что-то внутри Эммы тянулось к Джоанне, и она приняла бы ее без раздумий, не будь между ними еще и ревности.

В самом деле, последнее время все мысли Эммы занимал капитан Грейвз, и теперь она не могла не ревновать к этой прелестной деревенской девушке, с которой Генри каким-то образом успел познакомиться, и которая смогла защитить его от куда более тяжелых последствий ужасного несчастного случая.

В этот самый миг в душе Эммы прозвучал некий тревожный голос, настойчиво твердивший, что эта очаровательная девушка не отпустит так просто мужчину, которого ей послала сама судьба, что она будет сражаться за него так же яростно, как сражалась бы и за свою собственную жизнь. Эмму эта мысль ужасно перепугала, вернее – ее испугал тот безотчетный и неведомый ей доселе страх перед подобной мыслью. Никогда раньше она ничего подобного не испытывала, но теперь задрожала, и в глазах у нее помутилось. Эмме захотелось, чтобы Джоанна Хейст никогда не появлялась в ее жизни, чтобы они жили в разных концах света – и ни при каких обстоятельствах не могли бы встретиться.

Все эти мысли пронеслись в головах обеих девушек за какие-то доли секунды, ужас Эммы тоже был всего лишь короткой леденящей вспышкой – а затем заговорила леди Грейвз.

– Здравствуйте, Джоанна Хейст! – любезным тоном произнесла она. – Насколько я понимаю, вы были с моим сыном в момент этого страшного несчастья. Вы расскажете нам, как все произошло?

– О, миледи! – взволнованно отвечала Джоанна. – Это была моя вина, по крайней мере – в некотором смысле, хотя я-то была уверена, что он не совершит такой глупости и не полезет на эту башню!

Джоанна быстро и довольно связно изложила всю историю, стараясь как можно меньше упоминать о своей роли в ней.

– Спасибо! – сказала леди Грейвз, когда девушка умолкла. – Похоже, вы вели себя очень отважно, и я боюсь, что вы сильно пострадали. Надеюсь, вы скоро поправитесь. А теперь, доктор Чайлдс, скажите мне: могу ли я повидать своего сына?

– Что ж, пожалуй, на одну-две минуты вы можете зайти, только прошу вас не разговаривать с ним и не тревожить! – с этими словами доктор Чайлдс повел леди Грейвз к Генри.

К этому времени действие снотворного уже закончилось, и потому мать застала Генри бодрствующим и разговаривающим с миссис Джиллингуотер. Он встрепенулся, узнав шаги матери, и радостно приветствовал ее, стараясь не показывать, как сильно терзает его боль.

– Здравствуйте, матушка! К несчастью, вы видите меня не в самом удовлетворительном виде, но все же мне гораздо лучше, чем я сам ожидал, пока висел на стене этой проклятой башни. Мне очень приятно, что вы навестили меня, и я надеюсь, что новости об этой неприятности не слишком расстроили отца.

– Мой бедный мальчик! – сказала леди Грейвз, склоняясь к сыну и целуя его. – Я боюсь, ты очень страдаешь!

– Ничего страшного! Впрочем, разбился я довольно сильно, и мне, видимо, придется провести в постели несколько недель. Какой удивительный старый дом, не так ли? Эта добрая леди как раз рассказывала мне о нем. Я лежу в комнате ее племянницы. Во всяком случае, весьма интересная постройка. Вы только взгляните на эти дубовые панели и старинную каминную полку. Кстати, я надеюсь, что мисс Джоанна – она сказала, что так ее зовут, – не слишком сильно пострадала. Очень храбрая девушка, должен вам сказать. Если бы она не поймала меня, когда я падал, боюсь, я бы рухнул плашмя на эту жуткую гробницу, а тогда...

– Если бы не она, ты бы не полез на эту башню! – вздрогнув, произнесла леди Грейвз. – Не представляю, что заставило тебя совершить подобную глупость, мой мальчик – в твоём-то возрасте!

– Я думаю, все потому, что она очень красива, и я хотел произвести на нее впечатление! – отвечал Генри с безыскусной прямоотой человека, который изо всех сил борется с сильной физической болью. – Да, и я надеюсь, кто-нибудь послал весточку Левинджерам, иначе они будут волноваться, что со мной случилось.

– О, мой дорогой, они здесь и уже все знают.

– Правда? Хорошо. Извинитесь перед ними за меня. Когда мне станет немного лучше, я непременно повидаюсь с ними, но сейчас я чувствую слабость...

Голос Генри стал значительно слабее, и доктор Чайлдс, правильно расценив этот намек, тронул леди Грейвз за плечо и безмолвно кивнул в сторону двери.

– Да, дорогой, конечно. Я тоже пойду, но завтра я или Эллиен приедем навестить тебя. Кстати, не хочешь ли ты, чтобы мы послали в Лондон за профессиональной сиделкой?

– Конечно, нет! – с жаром откликнулся Генри. – Я ненавижу медсестер и профессиональных сиделок, они напоминают мне о госпитале в Хасларе, где я валялся с желтухой. Здесь у меня целых два доктора, а эта добрая леди превосходно ухаживает за мной – этого вполне достаточно.

– Я боюсь, ты очень страдаешь!

– Ну, если ты так думаешь... – с некоторым сомнением протянула леди Грейвз.

Затем она поцеловала сына на прощанье и ушла, а доктор измерил Генри температуру и дал ему еще снотворного.

Когда леди Грейвз отправилась к сыну, Джоанна последовала ее примеру и тоже вышла из комнаты, пробормотав, что ей немного нехорошо – что было чистой правдой.

– Какая красивая девушка, не правда ли, отец? – сказала Эмма. – Кто она? Кто-то на днях говорил, что в ней есть нечто таинственное.

– Откуда же мне знать?! – отвечал мистер Левинджер. – Она племянница миссис Джиллингуотер, и ее родители умерли – вот единственная тайна, которая мне известна.

– И все же что-то странное в ней есть! – задумчиво произнесла девушка. – Если вы заметили, ее манеры весьма сильно отличаются от манер большинства деревенских девушек, она говорит... как леди!

– Насколько я знаю, она получила некоторое образование, – быстро ответил ее отец. – Нельзя сказать, чтобы это шло во благо девушкам ее круга и происхождения: они привыкают думать, что их окружение недостаточно хорошо для них. В любом случае, именно из-за нее бедняга Грейвз попал в беду, и я не собираюсь ее за это прощать.

– Зато она сделала все возможное, чтобы спасти его, и сильно рисковала при этом сама! – мягко возразила Эмма. – Я не понимаю, что еще она могла сделать.

– О, эта женская логика! – отозвался отец. – Сначала вовлекаете хорошего человека в неприятности, а потом делаете все возможное, чтобы спасти его и предстать в образе героини. В девяти случаях из десяти куда лучше было бы просто оставить мужчину в покое – но ведь тогда не получится сыграть роль ангела-хранителя! Ради своей прихоти – назовем вещи своими именами – эта девица отправляет бедного Грейвза на башню, а когда он ожидаемо падает с нее, пытается его поймать. Теперь все только и говорят о ее храбрости и беспокоятся, не пострадала ли она. А ведь на самом деле из-за нее Грейвз уже никогда не будет прежним!

В голосе мистера Левинджера звучало столько подавленной страсти, что Эмма смотрела на него с удивлением: на протяжении всех последних лет ее отец всегда говорил и действовал в высшей степени сдержанно и спокойно.

– Неужели дела капитана Грейвза настолько плохи?

– Из того, что рассказал молодой Солтер, я понял, что все плохо и весьма. Он сломал ногу в неудачном месте, у него внутреннее кровотечение, он пролежал раздетым на земле в течение почти пяти часов, и его пришлось нести на носилках несколько миль.

– Что же с ним будет? – в тревоге спросила Эмма. – Я думала, что худшее уже позади.

– Не могу ничего сказать. Все будет зависеть от Провидения и сил организма капитана Грейвза, но вполне вероятно, что ему ампутируют ногу, и он останется на всю жизнь безнадежным калекой.

– О, Боже! – ахнула Эмма. – Я и понятия не имела, что все так плохо. Это же просто ужасно!

Ослабев от ужаса, она схватилась за спинку стула, чтобы не упасть.

– Да, все довольно мрачно, но мы ничем не поможем Грейвзу, оставаясь здесь, так что пора ехать домой. Я пришлю вечером узнать, как он себя чувствует.

Левинджеры отправились домой; никогда еще Эмма не чувствовала себя столь несчастной. Она так ждала визита капитана Грейвза, а теперь он лежал раненый – и весьма опасно. Мысль об этом заставляла сжиматься ее сердце, и в нежной груди Эммы даже зародилось нечто вроде ненависти к девушке, которая, пусть невольно, стала причиной всех неприятностей...

Глава X

Крыло Азраила

Несмотря на тяжелый перелом, в следующие два дня состояние Генри, казалось, улучшилось настолько, что его мать и Эмма Левинджер, регулярно получавшие подробные сведения о раненом, почти успокоились. К концу второго дня миссис Джиллингуотер потребовалось отойти куда-то по делам, и она оставила с Генри Джоанну – хотя рука девушки все еще была на перевязи, рана уже не причиняла ей беспокойства.

Джоанна села возле кровати больного; Генри в это время спал. Проснувшись, он сразу увидел ее.

– Это вы, мисс Хейст? Я и не знал, что вы тоже моя сиделка.

– Да, сэр, – отвечала Джоанна. – Тете нужно было отлучиться, а вы, как она сказала, чувствуете себя лучше, так что присмотр можно доверить и мне, пока она не вернется.

– Это очень мило с вашей стороны, – улыбнулся Генри. – Больничная палата – не самое приятное место в мире. Вас не затруднит дать мне немного этого ужасного напитка – ячменной воды, если не ошибаюсь? Пить ужасно хочется.

Джоанна подала ему стакан и поддерживала голову, пока Генри пил. Утолив жажду, он сказал:

– Я ведь так и не поблагодарил вас за вашу храбрость, мисс Хейст. Делаю это сейчас, от всего сердца. Если бы не вы, я упал бы на эти ужасные шипы, и все было бы кончено. Я их видел, пока висел на стене, и решил, что мне конец.

«Видел – и все-таки велел мне не подходить!» – подумала Джоанна, а вслух произнесла:

– О, умоляю, не благодарите меня, сэр! Я вообще во всем виновата, из-за меня с вами произошло это несчастье. Когда я думаю об этом, сердце у меня разрывается...

Из глаз девушки покатались крупные слезы. Генри не мог этого вынести.

– Ну же, не плачьте, пожалуйста, не плачьте! Меня это огорчает, а мне нельзя волноваться. Слушайте, если я и упал, то только по своей вине. Я должен был думать, прежде чем делать.

– Хорошо... я не буду... Тетя сказала, вам нельзя много разговаривать, а я вас заболтала...

– Давайте так: вы перестанете плакать, а я – разговаривать.

Как нетрудно догадаться, с того самого момента и до самого выздоровления, до которого было еще очень далеко, Джоанна стала бессменной сиделкой при Генри Грейвзе. Ее тетя выполняла самую тяжелую часть работы, но во всем прочем Генри полностью зависел от Джоанны. Он цеплялся за нее со странным упорством, отвергая все попытки заменить ее более опытной профессиональной сиделкой. Однажды, когда усилия такого рода были предприняты особенно энергично, пациент немедленно почувствовал такую слабость, что Джоанну немедленно вернули к его постели – к ее тайному удовольствию – и больше подобных попыток не делали.

Джоанна подала ему стакан

Через несколько дней состояние Генри неожиданно ухудшилось. У него начался жар, он стал бредить и терять сознание. Заражение крови, которого и боялись более всего врачи, заявило о себе – и Генри стал жертвой ужасной лихорадки, которая едва не убила его. Врачи уже почти решились на ампутацию, считая, что это единственный шанс спасти раненому жизнь, но, в конце концов, отказались от этой идеи, убедившись, что в нынешнем его состоянии пациент попросту не переживет операции.

Затем последовали три страшных дня, когда Генри лежал без сознания, находясь между жизнью и смертью. Большую часть этого времени леди Грейвз и Эллен провели в маленьком баре гостиницы «Корона и Митра»: они были бледны, молчаливы – но все еще собраны и спокойны. Даже сейчас Эллен не теряла присутствия духа, и это было очень важно, поскольку остальные были близки к отчаянию. Не доверяя способностям Джоанны, которую она винила во всем произошедшем, именно Эллен настояла на вызове профессиональных сиделок – чем это закончилось, мы описали выше. Когда же врачи заговорили об операции, не решаясь прибегнуть к ней немедленно, Эллен категорически воспротивилась и убедила мать сделать то же самое.

– Я ничего не смыслю в операциях, – твердо сказала она, – и вполне возможно, что без операции бедный Генри умрет... но я уверена, что если вы попытаетесь отрезать ему ногу, он умрет совершенно точно!

– Я думаю, вы правы, мисс Грейвз! – сказал на это знаменитый хирург, которого пригласили на консультацию, и от которого зависело окончательное решение. – Мое мнение таково: единственное, что мы можем сделать, это оставить вашего брата в покое и положиться на его крепкое сложение и здоровье.

Так и вышло, что Генри избежал хирургического скальпеля.

Эмма Левинджер и ее отец также часто посещали гостиницу, и именно в эти мрачные дни и самой Эмме, и всем окружающим стало окончательно ясно, что она влюблена в Генри

Грейвза. До этого она даже самой себе не признавалась в этом чувстве, но теперь, терзаясь страхом и ожиданием, черпала силы лишь из этой любви и знала точно, что, независимо от того, умрет Генри или останется жив – для нее он навсегда будет единственным, с кем она хотела бы связать свою жизнь.

Почему она любила его? Эмма не могла бы это объяснить, такие вещи вообще с трудом поддаются объяснению. Факт оставался фактом: она любила и больше не скрывала своей любви, отчасти из-за драматических обстоятельств, которые заставили ее забыть об общепринятых манерах и женском целомудрии. Будь обстоятельства иными, она наверняка хранила бы эту тайну в своем сердце до тех пор, пока не получила бы возможность заявить о своих чувствах открыто и законно.

Наконец, в состоянии больного наступил кризис, которого все ожидали с ужасом и надеждой. Прогноз был неблагоприятен. Врачи и сиделки в комнате больного делали все возможное, чтобы предотвратить, как им казалось, неизбежное; леди Грейвз, Эллен, мистер Левинджер и Эмма сидели в гостиной, ожидая вестей и отчаянно надеясь из последних сил на лучшее. Прошел час – и Эмма, не в силах более выносить эту неопределенность, незаметно выскользнула из комнаты и на цыпочках приблизилась к комнате Генри, пытаясь расслышать, о чем говорят внутри. Слышен был лишь сбивчивый бред раненого и тихие шаги тех, кто хлопотал у его ложа. Потом дверь распахнулась, и навстречу Эмме вышла Джоанна с посеревшим, почти пепельным лицом и дрожащими руками.

– Как он? – отчаянным шепотом спросила Эмма, схватив девушку за руку.

Джоанна посмотрела на нее, покачала головой и пошла прочь: говорить она не могла. Эмма смотрела ей вслед пустыми бессмысленными глазами, а сердце ее разрывалось от ревности и боли. Почему эта женщина может свободно находиться возле постели мужчины, которого Эмма любит? Держать руку умирающего, вытирать смертный пот со лба – пока Эмма вынуждена находиться за закрытой дверью? Эмма с горечью думала о том, что это должно быть ее место, ее – а не деревенской девушки, которая была причиной всех этих несчастий. Затем она повернулась, бросилась обратно в гостиную, упала на стул и закрыла лицо руками.

– Вы что-то узнали? – вскинулась леди Грейвз.

Эмма не ответила, но разразилась тихим душераздирающим плачем.

– Не стоит так убиваться, дорогая! – вежливо заметила Эллен.

– Позвольте мне горевать! – воскликнула Эмма, поднимая бледное заплаканное личико. – Позвольте мне скорбеть так, как я могу. Я знаю, что вера должна дать мне утешение, но она не помогает мне. У меня есть, есть это право – горевать! – продолжала она со страстью. – Я люблю его! Мне все равно, что об этом не принято говорить вслух: я люблю его, пусть я ничего для него не значу, но я люблю его, и если он умрет, сердце мое будет разбито навеки!

Напряжение момента было столь велико, что заявление Эммы, каким бы неожиданным оно ни было, не вызвало никакого удивления у собравшихся. Возможно, все и без того знали о ее чувствах, во всяком случае, леди Грейвз ответила лишь:

– Мы все любим его, дорогая!

Больше не было сказано ни слова.

Между тем, если бы кто-нибудь мог заглянуть в маленькую комнатку позади бара, он стал бы свидетелем проявления горя не менее сильного и еще более отчаянного, ибо там, уткнувшись лицом в подушку, лежала на кровати Джоанна Хейст, девушка, которой Эмма так завидовала. Рыдания сотрясали ее тело, хотя она закусилась зубами носовой платок, чтобы заглушить их; руки судорожно вцепились в простыни. До сих пор Джоанна вела себя спокойно и тихо, но теперь, уйдя со своего поста у постели Генри, она больше не сдерживала себя и полностью отдалась своему горю.

– О, Боже! – молила она, задыхаясь, между приступами плача. – Избавь его от страданий, забери мою жизнь – ибо это я, я виновата, я его убийца! О, Боже мой, Боже милосердный! Что же я сделала, чтобы заслужить такие страдания! Спаси его! Спаси! Пощади!

Прошло еще полчаса. Наступили сумерки, и в гостиной стало почти темно.

– Как долго! – пробормотала леди Грейвз.

– Пока они не вышли и не позвали нас, есть надежда! – отвечала Эллен, стараясь сохранить все свое мужество.

Вновь наступила тишина. Становилось все темнее.

Потом в коридоре послышались приближающиеся шаги доктора Чайлдса. Все инстинктивно поднялись с мест, ожидая страшных окончательных слов. Доктор вошел, но лица его в темноте они разглядеть не могли.

– *Позвольте мне горевать!*

– Леди Грейвз, вы здесь?

– Да! – прошептала несчастная женщина.

– Леди Грейвз, я пришел сказать вам, что по милости Неба крепкий организм вашего сына одержал победу и теперь, насколько позволяют судить мои скромные познания в медицине, я уверен, что он будет жить.

Еще секунду в комнате царила тишина, а затем, издав короткий отчаянный крик, Эмма Левинджер упала, словно ей выстрелили прямо в сердце.

Джоанна тоже услышала шаги доктора. Вскочив с постели, она поспешила вслед за ним к двери гостиной и выслушала его сообщение, стоя в коридоре – ей даже в голову не пришло зайти в комнату, настолько велики были ее беспокойство и страх.

Услышав слова доктора, Джоанна вообразила, что они стали ответом на ее молитвы. Переживания ее были так глубоки, что она и не вспомнила о других людях, не менее обеспокоенных судьбой Генри Грейвза. Джоанна еще не знала, не осознавала этого – но душу ее уже подхватили крылья великой и трагической страсти. Она знала лишь одно: она молилась – и ей ответили. Она просила – и жизнь Генри была возвращена.

Потом она услышала крик Эммы и увидела в приоткрытую дверь, как та упала без чувств. Что ж, теперь она уверилась в том, что раньше только подозревала: эта красивая и милая юная леди любит мужчину, лежащего в комнате Джоанны. Увидев же любовь Эммы, Джоанна осознала и свою собственную любовь к Генри – так ночью внезапная молния на мгновение освещает весь ландшафт одинокому путнику, заблудившемуся в горах. Пребывавший до этого во тьме, он вдруг видит, что ноги его стоят на протоптанной дороге, но при этом он окружен зловещими и полными опасностей пустошами... Так и сердце Джоанны забилося от испуга – вокруг нее сгущалась тьма, и не было для нее пути назад. Впереди ждала пропасть, вокруг клубился туман, мокрый от ее слез...

Кто-то в гостиной стал кричать, чтобы принесли свет, и голоса людей вернули Джоанну к жизни, вырвав ее из собственных видений. Что может случиться с ней? Это мало волновало Джоанну Хейст. Генри будет жить – это было то, чего она желала более всего, о чем она молилась, еще не зная, по какой причине молится так страстно, предлагая взамен собственную жизнь. Теперь она понимала, что молитва ее услышана – и значит, жизнь ее принадлежит Генри, пусть он даже никогда и не узнает об этом. Он будет жить, найдет свое счастье с мисс Левинджер – и пускай это разорвет Джоанне сердце, она все равно будет радоваться за него...

Она принесла зажженную лампу, помогла расстегнуть ворот платья Эммы и сбрызнуть ей лицо холодной водой. Никто из собравшихся не обращал на Джоанну внимания. Да и с чего бы им делать это – ведь они сначала пережили сильнейшее потрясение от радостного известия, а теперь хлопотали над молодой леди, упавшей в обморок. Они даже разговаривали в полный голос, игнорируя присутствие Джоанны.

– Не волнуйтесь! – говорил доктор Чайлдс. – Я никогда не слышал, чтобы от счастья умирали. Она, должно быть, переволновалась в ожидании известий.

– Я не знал, что все зашло так далеко, – тихо говорил мистер Левинджер леди Грейвз. – Боюсь, если бы вердикт был иным, он убил бы ее.

– Должно быть, она очень любит Генри, – отвечала леди Грейвз. – Я рада этому, она прелестная девушка. Что ж, если Богу было угодно, чтобы Генри выжил, я надеюсь, что все закончится хорошо, и он сделает правильный выбор. Было бы странно, если бы он поступил иначе.

Именно в этот момент Эллен, кажется, заметила присутствие Джоанны.

– Благодарю вас, – сказала она. – Вы можете идти.

Джоанна послушно вышла, отчаянно страдая и вместе с тем чувствуя себя необыкновенно счастливой. «По крайней мере, – думала она с внезапно вспыхнувшим чувством превосходства, – я его сиделка, и они пока не могут прогнать меня, потому что он меня не отпустит.

Когда он поправится, мисс Левинджер заберет его, но до тех пор он будет моим. Моим! О, если бы я знала, что они помолвлены... впрочем, нет, это не имеет никакого значения, я все равно полюбила бы его. Я обречена его любить, и я предпочту любить его и быть несчастной, чем быть счастливой – и не любить его. Мне кажется, это началось в тот миг, когда я впервые увидела его, хотя тогда я этого не понимала – я только удивлялась, почему же он так отличается от любого другого человека из тех, кого я знала... Что ж, теперь всё, теперь нет смысла плакать об этом – и я буду смеяться и радоваться, как может радоваться человек, чье сердце превратилось в осколок льда!»

Опасность миновала, но выздоровление Генри тянулось медленно, хотя и верно. Прошло без малого три недели, прежде чем он узнал, как близко рядом с ним прошла Смерть. Ему рассказала об этом Джоанна, поскольку первое время доктора разрешали его матери и Эллен заходить к нему лишь на несколько минут – и ни в коем случае не тревожить. Когда же больной немного окреп, доктор Чайлдс лично разрешил Джоанне все ему рассказать и ответить на все вопросы.

Стоял прекрасный июльский день, и Джоанна устроилась шить возле открытого окна в комнате Генри – вернее, в ее собственной комнате. Комнату наполнял аромат цветов, издали доносился шум моря. Генри задремал, и девушка отложила шитье, украдкой наблюдая за спящим. Вскоре глаза его открылись, и он посмотрел на Джоанну.

– Хотите что-нибудь, сэр? – спросила она, поспешно хватаясь за шитье. – Вам удобно лежать?

– Мне удобно, спасибо, и я не хочу ничего, кроме как продолжать смотреть на вас. Вы у открытого окна в летний день – очень красивая картина, знаете ли.

Джоанна зарумянилась и ничего не ответила. Через некоторое время Генри снова заговорил:

– Джоанна? – он теперь всегда называл ее по имени. – Джоанна, я был очень плох, да?

– Да, сэр. Три недели назад вас едва не похоронили – доктора говорили, что у вас шансы умереть были десять к одному.

– Странно, я ничего не помню об этом. Знаете, вся эта история стала для меня чем-то вроде... поворота в судьбе. Я всегда был слишком занятым человеком, чтобы думать о смерти, и мне не очень-то понравилась ее близость... хотя, возможно, смерть вовсе не так плоха, как о ней думают. Кто знает, быть может, она избавила бы меня от множества бед здесь, на земле, – и Генри тяжело вздохнул.

После минутной паузы он продолжал:

– Я очень благодарен всем вам за заботу и уход... в особенности вам, Джоанна. Я чувствовал ваше присутствие, даже когда был не в себе. Не знаю, чем вы занимали свое время... знаю только, что вы любите свежий воздух. С вашей стороны очень великодушно присматривать за мной.

– Не говорите так, сэр! Это мой долг и моя работа!

– Работа? Почему это? Разве вы профессиональная сиделка?

– Нет, сэр... хотя они мне предлагали платить поденно! – говоря это, Джоанна покраснела от негодования.

Девушка отложила шитье, украдкой наблюдая за спящим

– Ну, не сердитесь на них. Да и почему бы вам не получать за это деньги? Полагаю, вам было бы приятно зарабатывать своим трудом, как и большинству из нас.

– Потому что я не желаю этого! – сказала Джоанна яростно, постукивая по половице туфелькой. – Я бы предпочла голодать, чем взяла бы за это деньги. Это по моей вине вы попали в беду, и предлагать мне деньги за уход за вами – это оскорбление.

– Ну же, не стоит так переживать по этому поводу. Я не сомневаюсь, они думали, что у вас совсем иное мнение на этот счет... и в самом деле не понимаю, почему бы вам не принять их предложение. Ладно. Расскажите мне, что случилось той ночью, когда врачи от меня отступились – меня это очень интересует.

Джоанна в нескольких словах пересказала Генри события той ночи, причем так живо и ярко, что он словно воочию увидел себя лежащим без сознания на кровати... смерть все ближе... доктора наблюдают и шепчутся между собой...

– Вы были здесь все это время, Джоанна? – с любопытством спросил Генри.

– Большую часть времени – пока могла быть хоть чем-то полезна. Потом – нет, я не могла больше вынести...

– Что же вы сделали?

– Я пошла к себе в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.